



X годъ

№ 23

годъ X

1879

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн рис.)
Выданъ 4 Юня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖИ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № «Нивы» 20 к. съ перес. 45 к.

ОБЪЯВЛЕНІИ

для напечатанія въ «Нивѣ» принимаютъ по 25 н. за строку непарныхъ (въ 14 ширины страницы).

КОНТОРА

журнала открыта ежедневно (кроме воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ. 4 р.

Съ доставкою 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи 6 „

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особые приложенія при «Нивѣ» объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячу, для городскихъ по 4 р.

РУКПИСИ

Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всеми приложеніями.

Для гг. служащихъ допускается разс. очна за ручательствомъ гг. назначенъ.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПСМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

При этомъ № прилагаются «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» за ЮНІЙ съ 28 рисунками и отдѣльный листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величин., съ 59 рис. рукод. раб. и множество инициальныхъ буквъ.



1. Видъ города Самарканда съ Ригистанской площади. Рис. Тайлоръ, грав. Бертранъ.

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

— Не правда-ли таксырь? ¹⁾ грустно смотрѣть теперь на этотъ край?... А вѣдь не то было въ славныя времена Тура, Занда, Афросиаба, Рустема, Тимура и другихъ великихъ людей!... Видно Аллахъ разгнѣвался на родъ человѣческой за грѣхи,— за то, что не сумѣлъ сохранить въ чистотѣ истинную вѣру, завѣщанную Магометомъ.... Разгнѣвался Аллахъ и наслалъ на насъ грѣшныхъ всевозможныя бѣды. Отъ славныхъ могущественныхъ государствъ что останется?... одни лишь воспоминанія. Что теперь эти богатые, красивые, многолюдные города?... громадины и безобразныя развалины; только по вѣкоторымъ полуразрушеннымъ дворцамъ, медресе ²⁾ и мечетямъ можно еще судить,—какія великія зданія воздвигали наши предки. Кишлаки ³⁾, сады и поля теперь безплодные, песчаная степи. А съ людьми что стало?... и выговорить страшно. Нѣтъ уже болѣе знаменитыхъ батырей, непобѣдимыхъ эмировъ, хановъ, бековъ—остались одни торгаша, готовые продать вѣру, честь, семью и родину! Страсть къ наживѣ такъ обуяла, что за каіе нибудь 120 руб. продали священный коранъ, писанный третьимъ калифомъ Османомъ....

Такъ говорилъ ученый мулла Хайрулла Юнусовъ, сопровождавшій меня изъ Ташкента въ Самаркандъ. По всей вѣроятности эти грустные думы были навѣяны голою стѣною, которую мы пересѣкали. Погода стояла жаркая; ни малѣйшаго вѣтерка, ни одного облачка на темно-синемъ небѣ, ни одного кустарника, подъ тѣнью котораго можно бы было пріютиться отъ палящихъ лучей июнскаго солнца; взглянешь на право, на лѣво назадъ или впередъ—повсюду одио и то же—песокъ, песокъ и песокъ. Къ этому еще мелкая пыль; густыми облаками несущаяся изъ подъ копытъ тарантаса и изъ подъ копытъ тройки бойкихъ стенинговъ, быстро уносящихъ насъ по ровной, какъ скатерть дорогѣ. И мнѣ сердце жгла какою то неопредѣленною тоскою безотрадная картина, раскинувшаяся передъ нами. Желая какъ нибудь разсѣять тяжелое впечатлѣніе, я обратился къ муллѣ съ вопросомъ:

— Неужели вы увѣрены, что эта стѣня была когда нибудь населена и имѣла такой видъ?

— Прочтите Тимуръ-Табарихъ-наме и другія древнія писанія, послушайте старожилловъ и вы увидите.... отвѣтилъ мулла. Люди свѣдущіе говорятъ, что прежде соловьи перелетали съ дерева на дерево отъ самой священной Бухары до Ташкента. Ясно, вся страна была покрыта зеленью и люди пользовались всѣми земными благами, которыхъ потомъ ихъ лишили за грѣхи Аллаха. Настали тяжелыя времена: одна война смѣнялась другою, население гибло, земли пустѣли и страна стала пустыней.... Одинъ Тимуръ—сколько пролилъ онъ человѣческой крови!...

Облако пыли ворвалось нѣ тарантасъ и обдало насъ бѣлымъ порошокомъ. Мулла закашлялся и замолчалъ. Когда облако разсѣялось, я снова принялся распрашивать почтеннаго ученаго, сильно меня заинтересовавшаго. Я еще мало былъ знакомъ съ Туркестанскимъ краемъ и въ особенности съ его исторіею.

— Какіе же памятники оставилъ послѣ себя Тамерланъ?

— Вотъ скоро будетъ одинъ, отвѣтилъ мулла. Тимуръ много хорошаго уничтожилъ,—да много и сдѣлалъ, чтобы слава о немъ перешла на долгіе вѣка изъ рода въ родъ.... И по дорогѣ услышите о немъ, а болѣе всего въ Самаркандѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ г. Джюзака ⁴⁾ или Ключеваго укрѣпленія, какъ его называютъ русскіе, тянутся высокіе холмы, которые образуютъ широкое ущелье Джеланъ-Ата, получившее свое названіе отъ рѣчки, когда-то многоводной, но теперь очень мелкой. По этому ущелью, усыпанному мелкимъ булыжникомъ и пескомъ, пролегаетъ почтовая дорога; одиннадцатъ разъ приходится пересѣзжать въ бродъ черезъ рѣчку или, вѣрнѣе сказать, горный ручей Джеланъ-Ата. Почти у самаго входа въ ущелье, по обѣимъ сторонамъ дороги возвышаются двѣ громады скалы: лѣвая, нѣсколько наклонная, покрытая сплошною массою мха и низкорослаго кустарника, правая же отвѣсная и голая скала. (Рис. 5) это ворота Тимура.

— Вотъ первый свидѣтель величія Тимурленга ⁵⁾, заговорилъ мой мулла.

Мы остановили ямщика, вылѣзли изъ тарантаса и подошли къ правой скалѣ. Мулла разсказалъ слѣдующее:

— Эти двѣ скалы называются Тамерлановыми воротами. Этимъ самымъ ущельемъ великій завоеватель проходилъ со своими неслѣдственными полчищами, намереваясь показатъ Китай, не хотѣвшій признать его ханомъ всего міра. Несмотря на добрые совѣты Кушбегъ Кымары, Тимуръ выступилъ въ 743 ⁶⁾ году

геджры изъ Кынгеля. Но его мечтамъ не суждено было исполниться: у самыхъ предѣловъ Китая смерть постигла Эмира и его вѣрнаго Кушбегъ. Погибъ могущественный повелитель Средней Азии, Индіи и другихъ странъ, и царство распалось на мелкія Ханства. Правда, послѣ него царствовали великіе ханы, но Туркестанъ лишился уже навсегда единства и скоро дошелъ до того жалкаго положенія, въ которомъ онъ теперь.... Не одного Тимура пропускали эти ворота: много хановъ прошли здѣсь со своими войсками, тысячи людей пали подъ этими скалами, въ ужасныхъ, кровопролитныхъ сраженіяхъ. Вонъ на скалѣ два отшлифованныхъ камня! Видите, еще сохранились на нихъ надписи,—на одномъ персидская, на другомъ арабская. Надписи гласятъ: одна о пораженіи, нанесенномъ Эмиромъ Бухарскимъ Абдулла-Ханомъ Китай-Кипчакамъ, — пало столько, что вся рѣка окрасилась кровью. Другая надпись говоритъ о великой побѣдѣ, одержанной надъ монголами Улугъ-Беккомъ ¹⁾. Черезъ эти ворота совершилось переселеніе калмыковъ и киргизъ.

Задумавшись, стоялъ я передъ массивною скалою и смотрѣлъ на сѣ темныя бока, изрытые глубокими трещинами, на надписи, напоминавшія страшныя событія, и на единственныхъ обитателей Тамерлановыхъ воротъ—грифовъ, гнѣздившихся въ трещинахъ скалы и рѣзкимъ крикомъ нарушавшихъ мертвую тишину мрачнаго ущелья. Мы поѣхали далѣе по направленію къ Самарканду.

Однообразная стѣня кончилась, когда мы вѣхали въ долину Зарявшана. Все разомъ измѣнилось. Пустыни какъ не бывало: потянулись сады, поля, засѣянные рисомъ, пшепницей, кукурузой, огороды съ пыльными глиняными заборами, арки, тянувшіяся прямыми свѣтлыми лентами по разнымъ направленіямъ; отъ тала, карагачей, тута, урюковъ и другихъ деревьевъ вѣло свѣжею зеленью и пріятною прохладою. Забывъ усталость, пыль, жару, мы ушались великолѣпнымъ воздухомъ и зрѣлищемъ. Близость большаго города была замѣтна. Вотъ мы доѣхали до быстрого Зарявшана, — священнаго Нила Средней Азии, орошающаго всю Мيانкальскую долину. Далеко по притокамъ и наркамъ разносится его драгоценная влага, питающая цѣлую страну. Хотя рѣка быстра и широка, черезъ нее переправляются однако въ бродъ. Насъ и вещи наши перемѣстили на высокія арбы и мы почти вилывъ двинулись къ другому берегу; за нами, подъ громкій крикъ ямщика, поспѣдовалъ и тарантасъ. Все завертѣлось, задвигалось вокругъ насъ; то мнѣ казалось, что мы кружимся на одномъ мѣстѣ, то каждую секунду я ожидалъ, что лошади ослабѣютъ и насъ далеко занесетъ сильнымъ теченіемъ. Но, благодаря ловкости арбакена (проводника) мы преодолѣли всѣ трудности, проплыли мимо двухъ гигантскихъ сводовъ, которые оказались статками моста (рис. 2) постройки Абдула-Хана—взобрались на крутой противоположный берегъ и проѣхали городскую стѣну, глиняную, не ровную, мѣстами почти совсѣмъ обрушившуюся.

Тогда нашимъ глазамъ представъ во всей красотѣ Самаркандъ,—древняя столица Туркестана. Общій видъ города весьма оригиналенъ. (Рис. 1).

Изъ массы садовъ, низкихъ глиняныхъ стѣнъ, плоскихъ крышъ изъ камыша и земли, рѣзко выдѣляются высокіе минареты, башни, мечети, медресе,—все древнія постройки прежнихъ Эмировъ, хотя и полуразрушенныя, но величественныя; узкія, кривыя улицы, темныя базары подъ сводами, низенькія, крошечныя лавченки—все это весьма своеобразно. Когда-то Самаркандъ славился своими постройками, но теперь немногое осталось отъ мпущей славы: непогоды, землетрясенія, невѣжество и апатія съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе разрушаютъ остатки мавританской архитектуры. Штукатурка отпадаетъ, разноцвѣтные наразцы трескаются, сваливаются въ большія груды и покрываются пылью и мусоромъ. За то съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе вырастаетъ европѣйскій городъ: проводятся прямыя улицы, глиняныя лачуги замѣняются стройными кирпичными домами, булвары тянутся по обѣимъ сторонамъ улицъ, пруды очищаются, садики красиво планируются. Базаръ, сожженный во время войны съ бухарцами, выстроенъ заново, лучше, чище и просторнѣе прежняго; на главной улицѣ виднѣтся изящная церковь, во имя св. великомученика Георгія Побѣдоносца; кругомъ большой цитадели оставлена широкая эспланада для обстрѣливанія города; самая же цитадель совершенно перестроена русскими. Не далеко отъ церкви возвышается на срединѣ площади скромный бѣлый памятникъ надъ могилою офицеровъ и солдатъ, убитыхъ, во время осады Самаркандской цитадели, (рис. 3) возмущившимися беками шахрисябскимъ, уратубинскимъ и другимъ. Здѣсь погребены: поручикъ Лелехинъ, Служенко и Губинъ. Около самой цитадели стоитъ другой, еще болѣе скромный памятникъ (крестъ на мраморной плитѣ) надъ могилою И. А. Хлудова, погибшаго въ то время.

¹⁾ Таксырь—господинъ.

²⁾ Медресе—училище.

³⁾ Кишлакъ—осѣдлое поселеніе, зимовка у кочевниковъ.

⁴⁾ Слово Джюзакъ значитъ адъ,—такъ называютъ городъ туземцы вслѣдствіе сильныхъ лжорядокъ въ немъ сибирствующихъ.

⁵⁾ Тимуръ левъ хромой Тамерланъ; народъ называлъ его хромымъ послѣ того, какъ онъ на одной байгѣ, т. е. скакѣ, переломилъ себѣ ногу, свалившись вмѣстѣ съ лошадыю.

⁶⁾ По мусульманскому лѣтосчисленію.

¹⁾ Улугъ-Бекъ былъ однимъ изъ лучшихъ военнопольщиковъ при Тамерланѣ.

Заговоривъ объ этихъ памятникахъ, считаю излишнимъ ска-
зать здѣсь нѣсколько словъ о защитѣ цитадели.

30-го мая 1868 г., до 25 тыс. Шахрисабцевъ подъ предводитель-
ствомъ Джура-Бека и Баба-Бека, 15 т. Китай-Кипчаковъ во главѣ
которыхъ былъ Адиль-Дахта и 15 т. Ургутцевъ, Пенджакентцевъ,
и Самаркандцевъ подъ начальствомъ Руссейнъ-Бека, Абдуль-Га-
фаръ-Бека и Омаръ-Бека, ворвались въ Самаркандъ и осадили
цитадель (рис. 4) въ которой заперся комендантъ Самаркандскій,
майоръ баронъ фонъ-Штемписль съ отрядомъ въ 752 человека, при
двухъ русскихъ орудіяхъ и 24 отбитыхъ до этого у бухарцевъ.
Дѣятельными помощниками майора въ защитѣ были подполков-
никъ Назаровъ и войсковой старшина Сѣровъ. Вѣдь труда овла-
дѣвъ городомъ и сплошную стѣною оцѣнивъ цитадель, непрія-
тель въ теченіе десяти дней, непрерывно днемъ и ночью, тре-
вожилъ слабый отрядъ защитниковъ. Чуть не каждый часъ при-
ходилось нашимъ героямъ то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ,
то въ нѣсколькихъ мѣстахъ разомъ отражать приступы гро-
манныхъ скопищъ мусульманъ; нѣсколько разъ непріятелю уда-
валось даже ворваться въ цитадель, но каждый разъ отъ дру-
жнаго натиска защитниковъ, онъ былъ обращенъ въ бѣгство. Бу-
харцы еще потому были смѣлѣе, что хорошо знали численность
гарнизона и, не смотря на это, гарнизонъ успѣвалъ совершать
удачныя вылазки и въ свою очередь часто беззастѣнливо непрі-
ятельское войско. Насколько было безвыходно положеніе защит-
никовъ, можно судить изъ словъ самого барона Штемписля:
„Видя, что въ теченіе двухъ дней выбыло у насъ изъ строя
около двухъ сотъ человекъ и что подобная убыль можетъ про-
должаться и въ послѣдующіе дни, становилось ясно, что удер-
жать всѣ стѣны цитадели можно было бы лишь дня два, не
болѣе; затѣмъ непріятель ворвался, такъ какъ не хватало бы
людей для обороны всѣхъ опасныхъ мѣстъ. По этому рѣшено
было мною: когда истощатся всѣ усилія для обороны стѣнъ и
непріятель ворвется въ цитадель, то всѣмъ собраться въ Эми-
ровскій дворецъ обороняться до послѣдней крайности, а въ
случаѣ прорыва и туда непріятеля, взорвать порохъ и снаря-
ды.“ Но не два дня, а цѣлыхъ десять дней продержались герои;
8-го іюня ихъ выручилъ, наконецъ, генералъ Кауфманъ. Герой-
скія войска наши вездѣ, гдѣ бы ни были, одинаково—честь и
гордость родины....

На слѣдующій день послѣ моего приѣзда я посетилъ по-
сетить гробницу Тамерлана, называемую Гуръ-Эмиръ. (Рис. 6).
Подобно всѣмъ памятникамъ тамерлановской эпохи, мечеть эта
построена въ изящномъ мавританскомъ стилѣ. Гуръ-Эмиръ на-
ходится въ южной части города, правѣ Бухарскихъ воротъ,
имѣетъ два минарета въ 80 футовъ вышины и два купола
(одинъ большой, другой поменьше) ярко-бирюзового цвѣта. Хотя
зданіе сильно пострадало отъ времени, но еще довольно ясно
сохранились искусная лѣпная работа, разноцвѣтные изразцо-
вые кирпичи и древнія куфическія надписи. Дворъ, ведущій
къ этому святилищу магометанъ, весь вымощенъ квадратными,
жженными кирпичами. Съ правой стороны мечети продѣлано
большое, украшенное рѣзьбою изъ карагачеваго (чернаго) дерева,
окно, изъ котораго виднѣется значекъ Тамерлана. Вступивъ во
внутренность храма, взоромъ посетителя представляется большое
четыреугольное помѣщеніе, изъ котораго идетъ темный корри-

доръ съ дверями, ведущими въ нѣсколько маленькихъ комнатъ,
предназначенныхъ для мullahъ; въ эти комнаты свѣтъ прони-
каетъ только черезъ небольшія окошки, вдѣланные въ пото-
локъ. Въ концѣ корридора находится обширное, свѣтлое помѣ-
щеніе, въ которомъ покоится прахъ знаменитаго Тимура. Надъ
могилою лежитъ черный камешъ, почитаемый мусульманами
святынею, на которомъ вырѣзаны молитвы и имена предковъ
Тимура. Тамъ же похоронено нѣсколько приближенныхъ Эми-
ра. Въ прежнее время могильный камень былъ окруженъ
пязишкою, рѣзною, мраморною рѣшеткою, отъ которой сохра-
нился только небольшой кусокъ. Пыль, по приказанію гене-
ралъ-губернатора, рѣшетка эта реставрирована. Въ боковыхъ
часовенкахъ погребены жены грознаго Эмира и члены его
семьи. Недалеко отъ Гуръ-Эмира возвышается мечеть Рахматъ,
построенная Тимуромъ въ память святаго Хозретъ-Рахматъ.
(Рис. 7.)

Въ тотъ же день, руководимый мullahомъ, я посетилъ мечеть,
воздвигнутую Тимуромъ надъ могилою гвятаго Кутубъ-Чарда-
гума, дворецъ Кугъ-Ташъ и Медрессе-Ханымъ. Въ особенно-
сти послѣднія два зданія достойны вниманія. Дворецъ Эмира
Кугъ-Ташъ (пыль въ немъ русскій госпиталь) расположенъ
внутри цитадели. Названіе свое дворецъ получилъ отъ сѣраго
камня, находящагося въ одномъ изъ его внутреннихъ дворовъ,
подъ крытой деревянной галлереей. Камень имѣетъ 1³/₄ арши-
на ширины и 4¹/₂ аршина длины, противъ него вѣсѣленъ
въ стѣну другой камень (на которомъ вырѣзано имя Шейха-
Ахмеда) формою своею очень похожій на гусиное яйцо, а по
сторонамъ его виднѣются на стѣнѣ дѣланные доски, испи-
санные молитвами и въ корана.

Издалека прѣзжаютъ благочестивые Ходжи (прямые потом-
ки Магомета) для поклоненія Кугъ-Ташу. По преданію онъ
привезенъ изъ Китая. Около камня передъ небольшою пло-
щадкою стоялъ тронъ Тимура, на которомъ Эмиръ возсѣдалъ
въ дни суда и расправы.

Въ сѣверной части Самарканда возвышается Медрессе-Ха-
нымъ. Издалека можно видѣть его три башни и многочисленныя
куполы. Зданіе это сооружено старшею женою Тамерлана.
Чтобы войти въ него, нужно подняться на 90 футовъ по боль-
шой каменной лѣстницѣ, затѣмъ пройти длинный корридоръ,
оканчивающійся рѣзною дверью, исписанною изрѣченіями.
Внутри храма находятся комнаты: одна для мullahъ, три для
совершенія пяти намазовъ, одна со сводами — приемная, уст-
ланная коврами, и одна темная, въ которой, какъ утверждаютъ
фанатики мullahъ, покоится прахъ святаго Шахъ-Энзда (живаго
Царя). Изъ послѣдней постоянно раздается страшный, неопредѣ-
ленный шумъ, похожій на журчанье ручейка. Шумъ произво-
дится вѣтромъ, дующимъ въ раковину, находящуюся въ глу-
бинѣ комнаты; но мусульмане объясняютъ это иначе: они го-
ворятъ, что покоящийся въ этой комнатѣ святой Шахъ-Энзда
живетъ и по настоящее время и скрывается тамъ въ ожида-
ніи конца міра и что именно онъ производитъ этотъ шумъ.

Хотя и очень усталый, но весьма довольный видѣвшимъ и
слышаннымъ, вернулся я въ гостиницу, оставивъ на слѣду-
ющій день дальнѣйшій осмотръ достопримѣчательностей Самар-
канда.

Н. Стремоуховъ.

„ЗАБЫТОЕ СЛОВО“

Разсказъ Т. Шталя.

(Окончаніе).

Безконечные, томительные дни тянулись для Енгенія.
Ни строчки отъ нея и ни слова не могъ онъ переслать
ей. Миліоны, окружавшіе ее, слѣдили зорко. Съ утра до
поздней ночи жилъ онъ мучительно-нервнымъ ожи-
даніемъ. переходя отъ надежды къ отчаянію. Проходилъ
день, наступалъ другой—и опять испытывалъ онъ всю
лихорадку обманутыхъ надеждъ и ожиданій, а тамъ
снова предстояла та же Сизиѳова работа. Монотонныя
кассирскія занятія, эти цифры, цифры и цифры, слѣла-
лись для него невыносимы. А между тѣмъ, за нимъ слѣ-
дили. Топарищи и Керри подматривали за каждымъ
шагомъ, за каждымъ жестомъ измученнаго человека. Все
подмѣченное перетолковывалось, объяснялось въ желае-
момъ смыслѣ. Его разстроенный видъ, его первыя дви-
женія составляли обильную пищу сплетнямъ и конторъ.
Какъ-то разъ онъ слѣлалъ ошибку въ счетѣ. Робертъ по-
спѣшилъ немедленно сообщить объ этомъ банкиру.

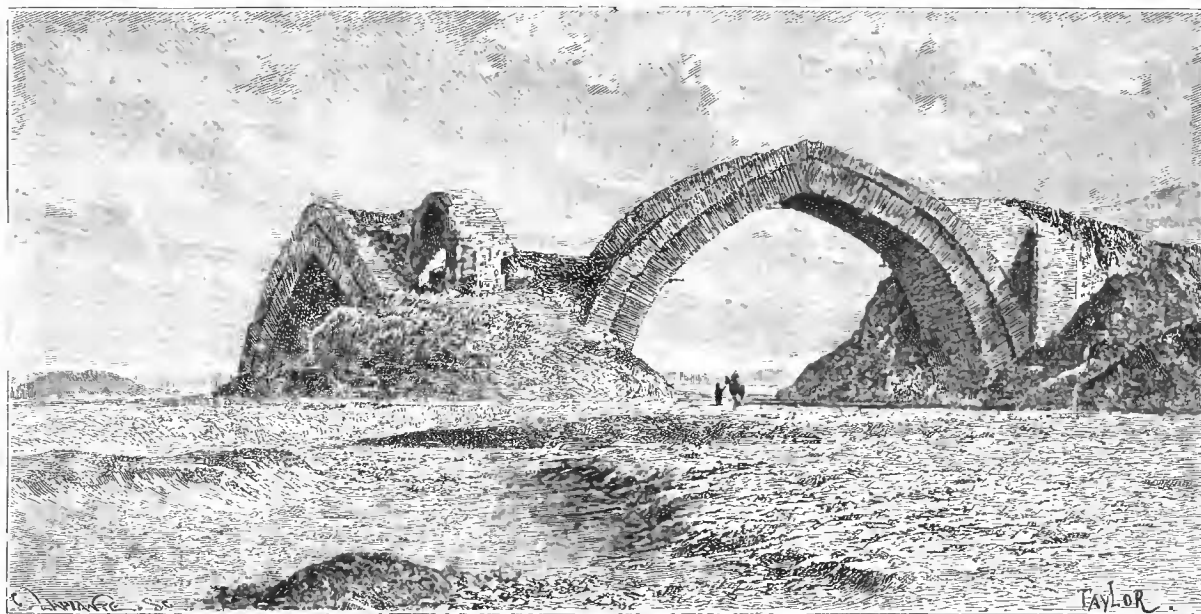
Шесть недѣль прошло уже съ тѣхъ поръ, что Евгений
не видѣлъ Джэнь. Наступилъ день, когда дѣвушка была
формально обручена съ другимъ. Молодой человекъ снова
за своимъ бюро, за столбцами цифръ и опять—съ то-
ской и мученіемъ онъ и отчаивается, и вновь надѣет-
ся. Сегодня—ему, почему-то, еще тяжелѣе, еще невы-

носимѣе. Точно камень въ головѣ и сердцѣ. Едва могъ
онъ досидѣть до конца занятій. Наконецъ пришелъ
часъ, когда хоть отъ этой пытки можно было отдѣлать-
ся. Надо было закрывать кассу.

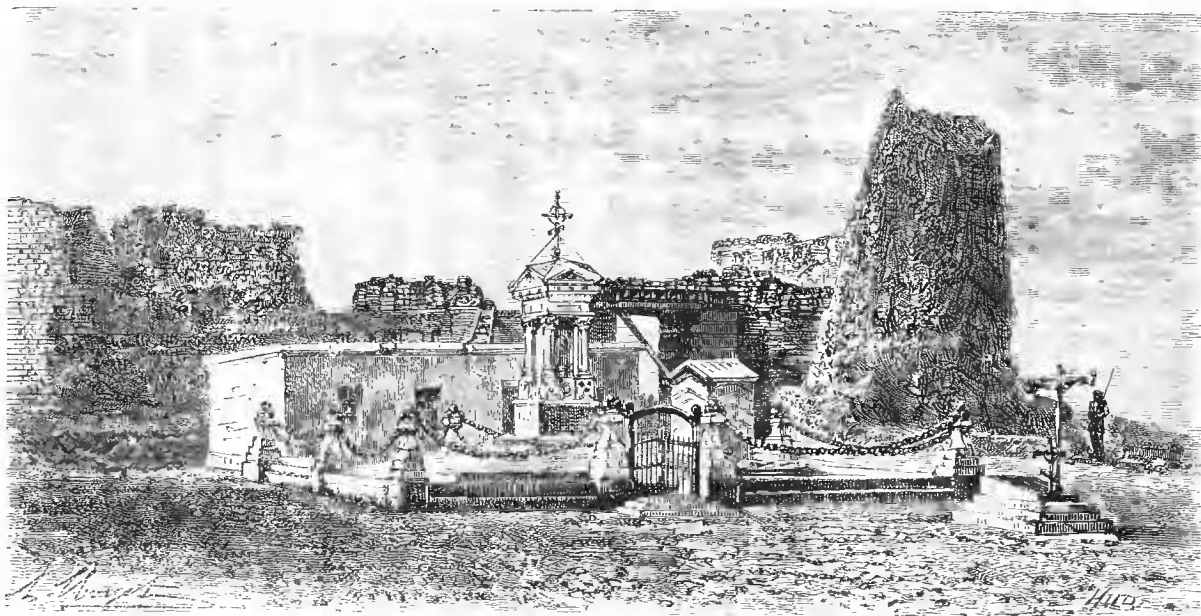
Сегодня — опять никакого извѣстія отъ нея! Его
тусклые глаза смотрѣли, не видя, куда-то прямо шпе-
редъ; нѣсколько минутъ еще, какъ деревянный сидѣлъ
онъ на своемъ мѣстѣ. Наконецъ—рѣшился встать и за-
переть кассу.

Читателю, можетъ быть извѣстно, что сложный меха-
низмъ большихъ денежныхъ шкафовъ британской фабри-
каціи устроенъ такимъ образомъ, что пружины замка
обозначены нѣсколькими металлическими буквами; кас-
сиръ, желая запереть замокъ, можетъ распологать пру-
жины, каждый разъ, по своему усмотрѣнію, составляя
изъ буквъ какое-нибудь слово, которое знаетъ только
одинъ онъ. Только зная это слово и можно отпереть кассу.

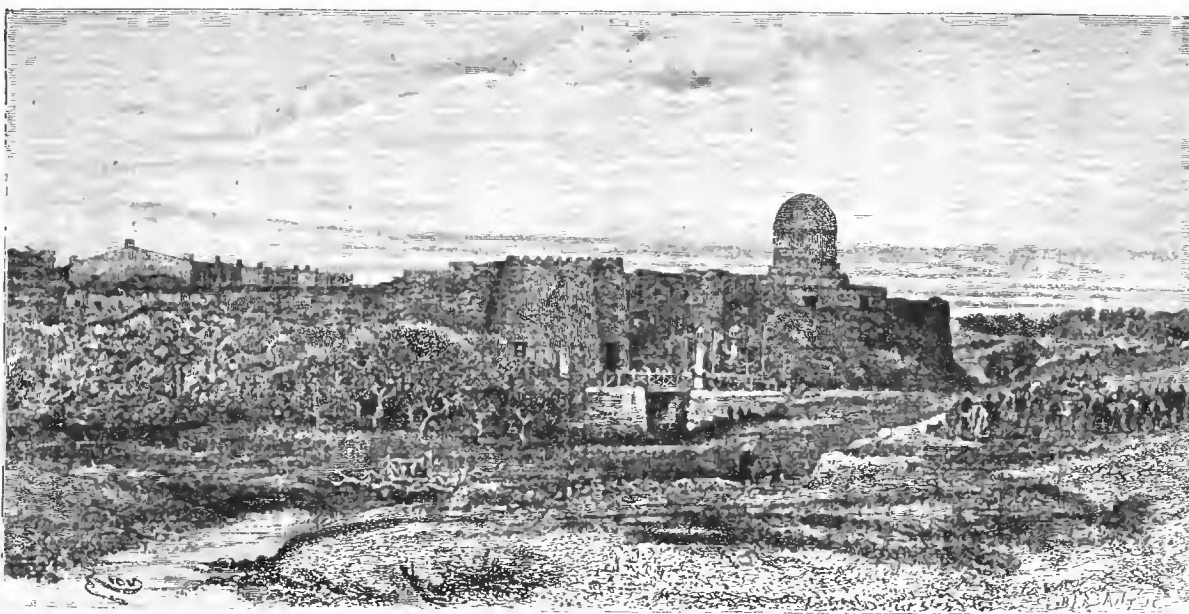
Въ ту минуту, когда Евгений располагалъ уже пру-
жины замка,—въ комнату, неожиданно, быстро вошла
какая-то пожилая женщина, и, положивъ на бюро нисъ-
мо, также быстро и неожиданно вышла. Молодой че-
ловѣкъ еще не опомнился; онъ держалъ руку на тя-
желой дверцѣ шкафа и машинально составлялъ слово.



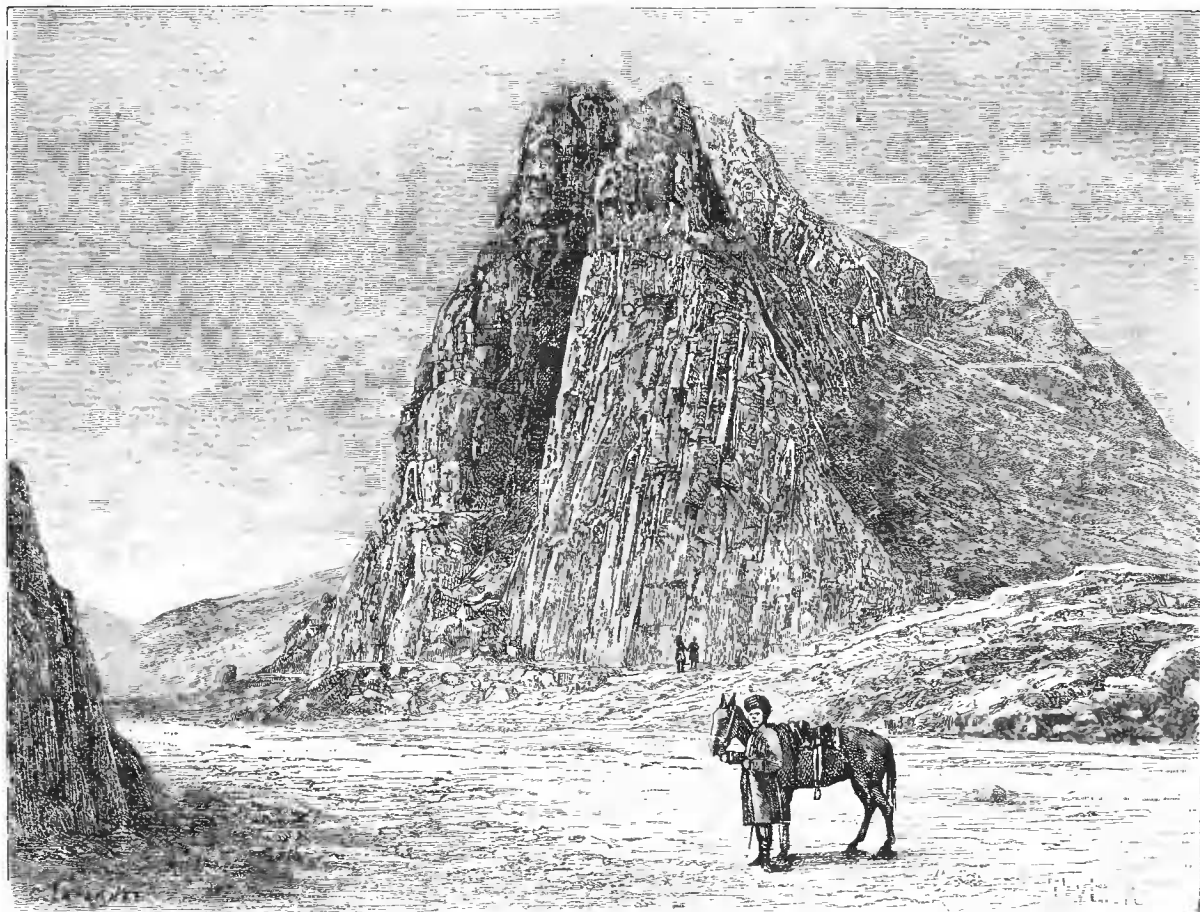
2. Древний мостъ на рѣкѣ Заряшанѣ. Рис. Тайлоръ, грав. Ланлантъ.



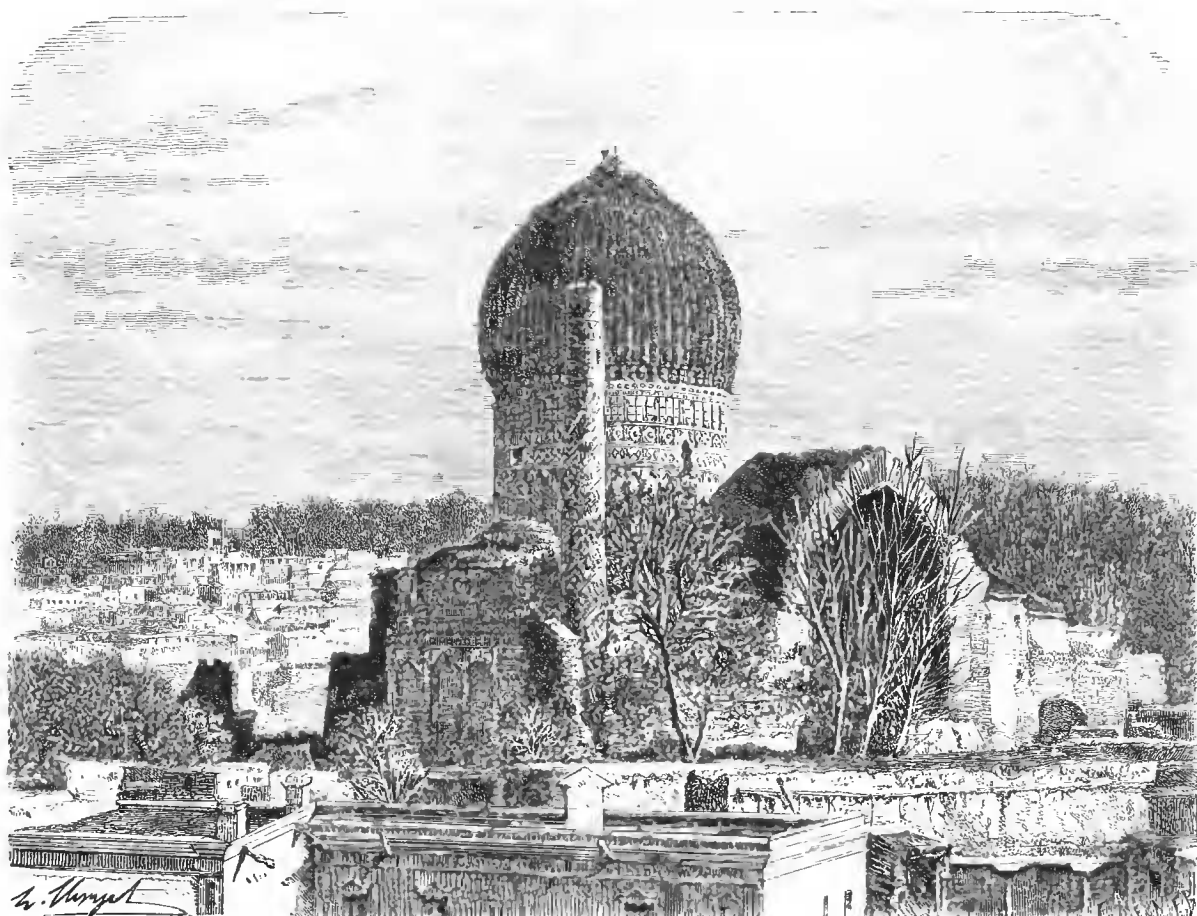
3. Памятникъ надъ могилами русскихъ близъ Самаркандской цитадели. Рис. Клерже, грав. Гильдебрандтъ.



4. Ворота Самаркандской цитадели. Рис. Риу, грав. Гильдебрандтъ.



5. Тамерлановы ворота близъ г. Самаркандъ. Рис. Тайлоръ, грав. Лапшантъ.



6. Тамерланова гробница (Гуръ Эмиръ). Рис. Клерже, грав. Монье.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГОДЪ X
№ 24
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
ГОДЪ X
1879

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 мод. рис.)
Выданъ 11 Юня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 к. за строку монотипомъ (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала отираетъ ежедневно (кроме Воскресныхъ и Праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1879 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургъ . . . 4 р.

Съ доставкою 5 „

Безъ доставки въ Москву чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. . . 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи 6 „

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особые приложения при „Нивѣ“ объявлений отъ торговыхъ домовъ принимаются для мног. по 5 р. съ тысячу, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и стихи неудобныя къ печати, авторы не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всеми приложениями.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. назначаемъ.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій.

29 (15) мая, по словамъ англійскихъ газетъ телеграфъ принесть въ Лондонъ, произведшее сильное впечатлѣніе, извѣстіе объ отозваніи нашего полномочнаго посла въ Лондонъ гр. Шувалова и замѣщеніи этого высокаго и важнаго поста кн. Лобановымъ-Ростовскимъ, бывшимъ доселѣ посломъ въ Константинополь. Извѣстіе это однако официально еще не подтвердилось и князь занимаетъ пока прежнее мѣсто.

Князь Алексѣй Борисовичъ принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ русскихъ фамилій, ведущей происхожденіе свое отъ удѣльныхъ князей Ростовскихъ. Онъ родился въ 1826 г. и воспитывался въ Александровскомъ Лицѣе, откуда выпущенъ былъ первымъ ученикомъ въ 344 г. Поступивъ прямо въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и пробывъ въ немъ около 2-хъ лѣтъ, былъ командированъ въ 1847 году временно исправлять должность секретаря посольства въ Парижѣ. Тогдашній напѣ повѣренный въ дѣлахъ при дворѣ Людовика Филиппа, г. Киселевъ полю-



Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русскій полномочный посолъ въ Константинополь. Рис. и грав. Пуцъ.

билъ однако молодого сотрудника своего и удержалъ его гораздо долѣе, чѣмъ предполагало Министерство и ему такимъ образомъ привелось присутствовать при паденіи юльской монархіи и быть близкимъ свидѣтелемъ знаменательныхъ событій, совершавшихся тогда во Франціи. Князь вернулся въ Петербургъ лишь въ 1849 г. Пробывъ и на этотъ разъ не долго въ Министерствѣ, онъ былъ въ 1851 г. назначенъ вторымъ секретаремъ миссіи въ Берлинѣ. До конца Крымской войны, князь оставался въ Берлинѣ сперва вторымъ а потомъ первымъ Секретаремъ и занимался подъ руководствомъ одного изъ самыхъ блестящихъ и даровитѣйшихъ нашихъ представителей Барона А. Ф. Будберга.

Когда, въ 1857 г.ужно было возстановить нашу миссію въ Константинополь и престарѣлый А. П. Бутеневъ былъ посланъ чрезвычайнымъ Посланникомъ, князь былъ уже настолько извѣстенъ Министерству, что ему данъ былъ постъ Советника вновь сформированной миссіи, не смотря на то,

что предшествовавшая деятельность не могла ознакомить его с делами нашими в Турции. Ему сказано было даже, что он будет ближайшим преемником Бутенева. При Бутеневе князь сразу же стал играть весьма значительную роль и на самом деле почти управлять всеми делами миссии под руководством своего опытного начальника. В 1859 г. Бутенев был уволен и в том же году Князь Лобанов, 33-х лет от роду (небывалый почти примѣръ) назначен был на его место чрезвычайным посланником и полномочным министром.

Положение молодого представителя нашего в Константинополе было блестящее: отличаемый Султаном Абдул-Меджидом, князь пользовался большим почетом у тогдашних корифеев Турецкой дипломатии Решиди, Али и Фуада пашей. В служебном кругу изящная и деловая редакция дипломатических документов Русского Посланника пользовалась, между прочим, тогда большою известностью.

Некоторое начавшееся вскоре разногласие с Министерством а также и семейные дела заставили князя оставить свой пост. В началѣ 1863 г. он уѣхал в отпуск, а затѣм подалъ въ отставку, и поселился на время на Югѣ Франціи.

Вернувшись в 1866 г. в Россію, Алексѣй Борисович не-

решил на службу в Министерство Внутренних Дѣлъ и был назначен в слѣдующемъ году Орловскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Пробывъ 10 мѣсяцевъ в провинціи и ознакомившись съ нашею администраціею, князь призванъ был на постъ Товарища Министра Внутренних Дѣлъ, на которомъ и оставался почти 12 лѣтъ. 18 апрѣля 1878 г. Государю Императору благоугодно было вновь пригласить князя принять Константинопольскій постъ съ званіемъ чрезвычайнаго и полномочнаго посла. Назначеніе это было встрѣчено Портою и иностранными державами весьма радушно.

Прибывъ на знакомые ему уже берега Босфора 2 мая, князь Лобановъ вступилъ тотчасъ же въ переговоры съ Портою касательно очищенія Турками крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, на основаніи условий С.-Стефанскаго договора. Переговоры эти были остановлены вслѣдствіе созванія конгресса въ Берлинѣ. 27 января этого года князь Лобановъ, послѣ долгихъ и далеко не легкихъ переговоровъ съ Портою, добился подписанія окончательнаго трактата съ Турціею, которымъ разрѣшались все наши требованія, предъявленные Портѣ представителями нашими в С.-Стефанѣ и которыя были обидены молчаніемъ въ Берлинскомъ трактатѣ.

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ *).

(Изъ записокъ русскаго путешественника).

Однажды, выйдя погулять, я очутился на обширномъ ташкентскомъ выгонѣ. Сзади меня была русская часть столицы Туркестанскаго края; на право среди густой зелени красовался домъ генералъ-губернатора (рис. 3), а на лѣво на небольшомъ холмѣ далеко растянулась ташкентская цитадель (рис. 4). Солнце только что взошло и косыми лучами уже набросило красноватый отблескъ на верхушки деревьевъ и яркими полосками скользнуло по крышамъ русскаго Ташкента ¹⁾. Легкій вѣтерокъ навѣивалъ пріятную прохладу и разносилъ упонительный ароматъ цвѣтовъ. Утро было восхитительное. Съ наслажденіемъ вдыхая здоровый весенній воздухъ, я углубился въ созерцаніе окружавшей меня панорамы. Постепенно перенесся я въ воображеніи къ памятнымъ для каждаго туркестанца 1864 и 1865 годамъ. Грозно стояли до этого времени высокія городскія стѣны Ташкента съ многочисленными башнями и бойницами, окруженные глубокими рвами. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположено русскій городъ, небольшими группами были разбросаны невысокія деревья и мелкіе кустарники. Но появился Черняевъ и все измѣнилось. Пали грозныя стѣны, присмирѣлъ мусульманскій фанатизмъ и Ташкентъ изъ сильной крѣпости превратился уже въ мирный торговый городъ; рядомъ съ цитаделю и городомъ азіатскими быстро поднялись на гладкой долині русскія сооруженія.

Но вотъ ко мнѣ кто-то подошелъ. Я увидѣлъ передъ собою знакомаго ташкентскаго торговца, Хамутъ-Ходжу. Это былъ видный мужчина съ длинною черною бородою и вѣчно улыбающимся лицемъ. Онъ считался фактотумомъ всѣхъ русскихъ—зналъ все и вся. Кое-какъ болтая по-русски, онъ постоянно толкался между нашими.

Хамутъ-Ходжа опустился около меня на свои пятки,—обыкновенный способъ сидѣнія у туземцевъ. Вообще туземцы большіе охотники поболтать.

— Задумался я о томъ, началъ я, что было здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ, какія битвы происходили и чѣмъ все окончилось.

— Якинъ, кушъ якинъ! ²⁾ подтвердилъ Хамутъ, важно кивнувъ головою.—Ты думалъ о Джандаралѣ ³⁾. Хорошій былъ человекъ, у! хорошій! Если бы все и мусульмане-то были такіе, такъ лучшаго и желать нечего ⁴⁾.

— Какъ же ты догадался, что я вспоминалъ о Михаилѣ Григорьевичѣ?

— Хамутъ все знаетъ. Не трудно догадаться. Лучше тебѣ скажу: какъ только попалъ вѣдь на это самое мѣсто, такъ и вспомнишь о немъ.

— Почему это?

— А вотъ я тебѣ все скажу.

Съ этими словами онъ придвинулся ко мнѣ и началъ.

— Какъ теперь помню: сраженіе кончилось, городъ былъ взятъ и наши ташкентцы вышли къ нему, именно на этомъ самомъ мѣстѣ, съ покорностью, блѣдныя, дрожать отъ страха,

низко опустили головы... Ты самъ знаешь, какіе порядки у насъ, когда кто побѣдитъ: ужъ кого тамъ пощадятъ, особенно вождей... Наши аксакалы ¹⁾ думали, что всѣхъ накажутъ за то, что много русскихъ погубило при взятіи Ташкента... Другой на мѣстѣ генералъ пожалуй сдѣлалъ бы имъ что нибудь дурное... Вскрикнули „Аманъ“ ²⁾ и упали наи на зсмыю, закрыли головы руками и ждали своей участи... И что же? Черняевъ нагнулся, поднялъ ихъ и ласково, какъ простой человекъ, принялся объяснять: „что онъ не думаетъ ихъ казнить, что если они сдѣлали много вреда, за то теперь вѣрностью Акъ-Падшѣ ³⁾ могутъ загладить прежнюю вину и не только не будутъ считаться врагами, но могутъ сдѣлаться друзьями русскихъ, что война кончилась и насталъ миръ“... и долго говорилъ онъ, и все такъ ровно, тихо. Намъ показалось, что не человекъ говорить, не привыкли мы къ этому. Бывало попадешь въ бѣду и не подумаешь идти къ своимъ кази ⁴⁾, аксакаламъ, курбашамъ ⁵⁾ и другимъ—безъ подарка къ нимъ и не смѣи сунуться. А придешь къ нему, скажешь всю правду—сейчасъ выручитъ и своего не пожалеетъ... За все это непременно—хоть онъ и кляфиръ—будетъ онъ награжденъ небомъ... ученые люди и тѣ даже это предсказываютъ... Спроси любого ташкентца, который знавалъ генерала и всякій тоже скажетъ... Вотъ тамъ не далеко отъ крѣпости, между деревьями домишко.. Низенькій, слѣпленъ изъ глины, съ земляной крышей, поросла она травой и мохомъ, съ двумя окошечками—это вотъ и есть его домъ. Какъ заняли Ташкентъ, тутъ жилъ Черняевъ. Не правда-ли? Чужеземцевъ и не повѣрять, что это было жилище перваго нашего губернатора, побѣдителя храбраго Алимъ-Кули. У насъ развѣ только мердекеры ⁶⁾ такъ живутъ... Прежде было просто.... Да знаешь. Спроси у любого изъ нашихъ, чего тебѣ объ генералѣ не расскажутъ. И какъ его наши до сихъ поръ почитаютъ—ой какъ почитаютъ и помнятъ..

Разсказчикъ, но мѣръ того какъ говорилъ, болѣе и болѣе воодушевлялся, искреннее чувство слышно было въ его голосѣ, глаза блестѣли.

— А знаешь ли, почему здѣсь крѣпость стоитъ? снова началъ онъ протягивая руку по направленію къ цитадели и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжалъ: „Сейчасъ скажу... Русскіе—прехитрый народъ! Взяти Ташкентъ, видятъ—туземцевъ много: когда взбунтуются не скоро справишься съ ними... Вотъ и придумали въ сторонкѣ выстроить свою урду ⁷⁾, свой городъ. Потомъ порѣшили между собою—какъ что не ладно, сейчасъ всѣмъ въ урду прятаться. Хотя никому не вѣльно говорить—это великій секретъ, а мы все таки всѣ знали. Разъ имъ чуть было не пришлось спасаться, да на ихъ счастье только страхомъ и отдѣлались...“

— Скажи мнѣ, Хамутъ, спросилъ я, отчего теперь у васъ не строятъ болѣе такихъ великолѣпныхъ зданій, какими мнѣ недавно пришлось любоваться въ Самаркандѣ?

— Какія же это?

— Да вотъ напримѣръ Гуръ-Эмиръ, Шах-Зинде, Ширъ-Даръ, Улугъ-Бекъ, Гилля-Кари и многія другія.

— Да что, отвѣтилъ торговецъ, свободныхъ рукъ нѣтъ. да и работниковъ такихъ искусныхъ не найдешь больше въ Туркестанѣ; главное—нѣтъ ни Тимура, ни Абдулла-хана, нѣтъ тѣхъ знаменитыхъ эмировъ, о которыхъ теперь поютъ только въ пѣсняхъ. Такія дѣла дѣлаютъ только великіе люди. Мы,

* В нынѣшнемъ году будутъ продолжаться изслѣдованія направленія желѣзной дороги, которая соединитъ Оренбургъ, а слѣдовательно и всю Европейскую Россію съ Самаркандомъ, а можетъ быть и съ Аму-Дарьею. Въ минувшемъ году ученая экспедиція, производившая изысканія, опредѣлила направленіе будущей желѣзной дороги отъ Оренбурга до береговъ Сыръ-Дарьи, именно до стапціи Карагулай. Въ нынѣшнемъ году изслѣдованія будутъ произведены отъ Кара-Гулая по берегу Сыра, перескуютъ развалины Кара-Узика, пройдутъ на Туркестанъ, Чинкентъ, Ташкентъ, Чиназъ и Самаркандъ. Далѣе предполагается обследовать направленіе будущей желѣзной дороги въ Гиссарскіхъ горахъ, изслѣдовать степень судосходности Аму-Дарьи отъ Хазретъ-Имама (противъ Кулба) до Петро-Александровска и, наконецъ, обследовать старое русло Яны-Дарьи въ степи Казыль-Куль. Все это и въ связи съ атласской экспедиціей Лазарева, недавно предпринятой, обращаетъ общее вниманіе на наши Среднеазіатскія владѣнія.

¹⁾ Городъ Ташкентъ дѣлится на двѣ части—русскую и туземную.

²⁾ Хорошо, очень хорошо!

³⁾ Джандаралъ—генералъ.

⁴⁾ Для облегченія разсказа я счелъ лучшимъ передать правильнымъ языкомъ неграмматическую рѣчь Хамутъ-Ходжи.

¹⁾ Аксакалы—старшина, отъ словъ: акъ—блѣдн, саяаль—борода.

²⁾ Аманъ—пощади, здравствуй.

³⁾ Акъ-Падша—Блѣднй Царь.

⁴⁾ Казы—судьи.

⁵⁾ Курбаша—начальникъ познціи.

⁶⁾ Мердекеръ—поденщикъ.

⁷⁾ Урда—крѣпость.

мусульмане, на красоту храма мало обращаемъ вниманія: вамъ нужно, чтобы строеніе—старинное ли, новое-ли—имѣло значеніе религиозное. По этому то у насъ почитаются только тѣ здания, къ которымъ народъ стекается для поклоненія, напримѣръ: Гуръ-Эмиръ, Кукъ-Ташъ, Шахъ-Зинде...

— У васъ развѣ не уважаютъ всѣхъ мечетей и медресе, перебилъ я его.

— Нѣтъ! И мечети, и медресе уважаются; не всѣ—а тѣ, что строены въ память какихъ нибудь святыхъ или надъ могилами святыхъ. Ну! мечеть Ширъ-Даръ (рис 1) уважаются—построена она Ялунтаръ-Беккомъ въ 638 году ¹⁾ геджры надъ могилою святаго имама Доздагума; но остальные медресе—Улугъ-Бекъ и мечеть Тилля-Кари далеко уступаютъ. Они не имѣютъ той святости, хоть и построены извѣстными ханами: мечеть Улугъ-Бекъ (рис. 2) или Мирза, какъ всѣ называютъ, построена Улугъ-Беккомъ въ 742 году геджры, а медресе Тилля-Карп—Ялантушъ-Беккомъ въ 598 году.

— Святыхъ у насъ очень много; почти нѣтъ такого города, который не имѣлъ бы одного или нѣсколькихъ святыхъ. Все таки главные, послѣ священной Бухары и славнаго Самарканда—городъ Туркестанъ; его пожалуй даже выше остальныхъ почитаютъ... Ты тамъ видѣлъ громадную мечеть Хазретъ-Имамъ или Азретъ-Имамъ? Тысячи идутъ туда богомольцевъ, поклониться праху великаго имама ²⁾ Хазрети-Ходжа-Ахмедъ-Ядавни; всю жизнь свою творилъ добрыя дѣла этотъ имамъ и разными чудесами поддерживалъ истинную вѣру Магомета на землѣ. Я думаю, ты помнишь, какъ отчаянно бились коканцы съ русскими, послѣ того какъ взяли Туркестанъ. Когда палъ этотъ городъ, дуваны и календеры ³⁾ разсыпались по всему коканскому ханству и начали проповѣдывать священную войну противъ кяфировъ ⁴⁾, дерзнувшихъ посягнуть на неприкосновенность мусульманской святости; и коканцы вооружились поголовно и война разгорѣлась съ новой силой. Ваше еще счастье, что послали Черняева...

— Ты жалѣешь, что русскіе прогнали вашихъ хановъ и бековъ?.. Можетъ быть вамъ хотѣлось бы скорѣе вернуть законныхъ владѣтелей?

— Спаси насъ Аллахъ! съ ужасомъ воскликнулъ ташкентецъ. Теперь наврядъ найдешь такого человѣка, который хотѣлъ бы этого... Нѣтъ, нѣтъ! мы вѣрные подданные великаго Акъ-Падши! Теперь мы живемъ свободно, спокойно, жизнь и имущество наши безопасны. А что было прежде? дрожью задрожавъ, какъ вспомнишь... Сами беки—и тѣ не могли ручаться за свою жизнь; кто сильнѣе былъ, тотъ и правъ. Сегодня, напримѣръ, ты богатъ и счастливъ, а завтра тебѣ, ни за что, ни про что, какъ барану, горло перерѣжутъ.

И Хамутъ-Ходжа пустился въ длинные разсужденія о прежнихъ порядкахъ.

— Еще одинъ вопросъ, почтенный Хамутъ. Объясни мнѣ, что такое таджикъ и сартъ? Кажется, между ними нѣтъ разницы?

— Пожалуй. Въ здѣшнемъ краѣ много разныхъ племенъ; самые многочисленные изъ нихъ—Киргизское, Узбекское и Таджикское. Говорятъ, что таджики происходятъ отъ Иранъ ⁵⁾;

Аллахъ ихъ вѣдаетъ—это дѣло ученыхъ. Я знаю, что я таджикъ, а отъ кого мы происходимъ—мнѣ и въ голову не приходило. А что такое сартъ, могу тебѣ объяснить. Слово „сартъ“ значитъ—неизвѣстный человѣкъ; мы же понимаемъ городского жителя или торгового человѣка. Сартовскаго племени нѣтъ; такое названіе придумали русскіе, когда этого слова „сартъ“ не понимали. Всѣ Ташкентъ населяетъ большею частью таджиками—русскіе же прозвали насъ сартами.

— Ты женатъ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Какъ же! у меня двѣ жены, отвѣтилъ Хамутъ-Ходжа, добродушно улыбаясь.

— А сколько лѣтъ твоимъ женамъ?

— Одной двадцать, а другой тринадцать,

— Такая молодая! воскликнулъ я удивленно.

— У насъ бывають и моложе...

— И что же? Твои жены наряжаются только дома, а на улицѣ, какъ и другія женщины, ходятъ закутанными съ ногъ до головы.

— Какъ же иначе? съ недоумѣвающимъ видомъ спросилъ торговецъ. Дома наши женщины щеголяютъ въ красивыхъ богатыхъ нарядахъ (рис. 5) на улицѣ же требуется самая простая одежда. Фаренджи ¹⁾ онѣ набрасываютъ на голову, длинныя рукава закидываютъ назадъ и связываютъ вмѣстѣ у самыхъ пятокъ; лице закрываютъ чернымъ чачбау ²⁾ замужнія, двѣнадцатъ же дозволяется употребить бѣлую кисею.

— Это я знаю, отвѣтилъ я. Ты кажется достаточно ознакомился съ русскими обычаями, посмотрѣлся какою свободой пользуются жевщины у русскихъ; тебѣ и слѣдовало бы поступать по ихъ примѣру; ты и самъ расхваливаешь наши порядки... Дозволь своимъ женамъ ходить съ открытыми лицами, не держи ихъ въ заперти—другіе сдѣлають тоже, и увидишь какая хорошая жизнь начнется у васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Это невозможно! оживленно возразилъ Хамутъ. Всѣ наши меня на смѣхъ поднимутъ. Магометъ прямо сказалъ: женщина создана только, чтобы повиноваться во всемъ своему мужу, быть ему вѣрною рабою. И онъ не ошибся: дай только имъ свободу, такъ самъ не радъ будешь. Ваши женщины умнѣе—онѣ иначе сотворены,—иному мужчине не уступятъ; любая изъ нихъ можетъ быть кунбегъ ³⁾. Наши же—куклы, ничего не понимаютъ: хороши пока заперты. Позволь имъ открыться—весь родъ человѣческой погубятъ; непременно погубятъ. Коранъ—великая книга и Магометъ—о! онъ знаетъ, что дозволить и что запретить... Предопредѣленія Аллаха не измѣнишь! торжественно заключилъ таджикъ.

Сколько я ни спорилъ, сколько ни старался доказать несправедливость такихъ понятій,—все было напрасно; Хамутъ-Ходжа продолжалъ настаивать на своемъ. Споръ о религіи ему, повидному, сильно не нравился, такъ какъ онъ вдругъ заявилъ:

— Хорошій ты человѣкъ, а все же кяфиръ, и не можешь понять мудраго закона Магомета... Лучше не будемъ спорить, тамыръ... Однако мы заговорились; посмотри, солнце высоко. Становится ужъ жарко! Пора и по домамъ. Прощай!

И мы расстались.

Н Стрешуковъ.

МОНАСТЫРСКАЯ ПИТОМИЦА.

РЫЛЬ ХУІІ ВѢКА.

Историческій разсказъ М. Романова.

I.

Въ кельѣ матери Александры, игуменья московскаго Вознесенскаго монастыря, было великое смятеніе. Собравшіяся въ этой кельѣ старицы и монахини узнали, что, по желанію царицы Марьи Ильиничны, игуменья должна была благословить и отдать въ замужество живущую въ монастырѣ дѣвицу Татьяну за государынина крестоваго дьячка.

— Какая честь то намъ! говорила игуменья Александра,—стало быть насъ помнитъ царица, своими царскими милостями чествуетъ... Ну, слушайте, что дальше то мнѣ повѣдала царицына посланная: государыня, видите ли, приказывала: сама изволить смотрѣть невѣсту своего жалованнаго дьячка и для того пришло отъ двора женщину и проведетъ она Татьяну мимо государыни; а будетъ въ то время государыня въ царь-Борисовой палатѣ. Ну что, матери, скажете?

Послѣ нѣкотораго молчанія изъ среды слушательницъ

¹⁾ По мусульманскому лѣтосчисленію.

²⁾ Имамъ—духовный санъ.

³⁾ Дуваны—соотвѣствуютъ деревьямъ въ Турціи.

Календеры—люди, не признающіе ни рода, ни племена; небольшими обществами скитаются они съ мѣста на мѣсто, распеваютъ разные молитвы и выпрашиваютъ милостыню. Имущество у нихъ общее. Они отличаются фанатизмомъ.

⁴⁾ Кяфиръ—невѣрный.

⁵⁾ Иранъ—персіане.

поднялась высокая, сухоощая монахиня и низко поклонившись Александрѣ, тихо проговорила:

— Правда матушка—дорога намъ велика государыни милость. Только у Тани нашей ровно вѣдь ничего нѣту приданаго, а я кой что слышала отъ той бѣлицы-то посланной,—женихъ, вишь ты, не прочь и отъ денегъ, коли монастырь что пожалуетъ... Твоя матушка воля, сама разсуди—я свое сказала.

— Нѣтъ, Катерина, не дѣло это. Та вдова Авдотья, что въ кельѣ у тебя проживаетъ, да и со сватомъ жениховымъ, были у меня и все это я имъ сказывала. У нихъ для смотринъ невѣстѣ и платье ужъ готово, а прочее приданое все—государыня пожалуетъ.

— Доброе дѣло, дай Богъ здоровья государынь, громко заговорили монахини.

Но старица Катерина опять поднялась и сказала рѣшительно.

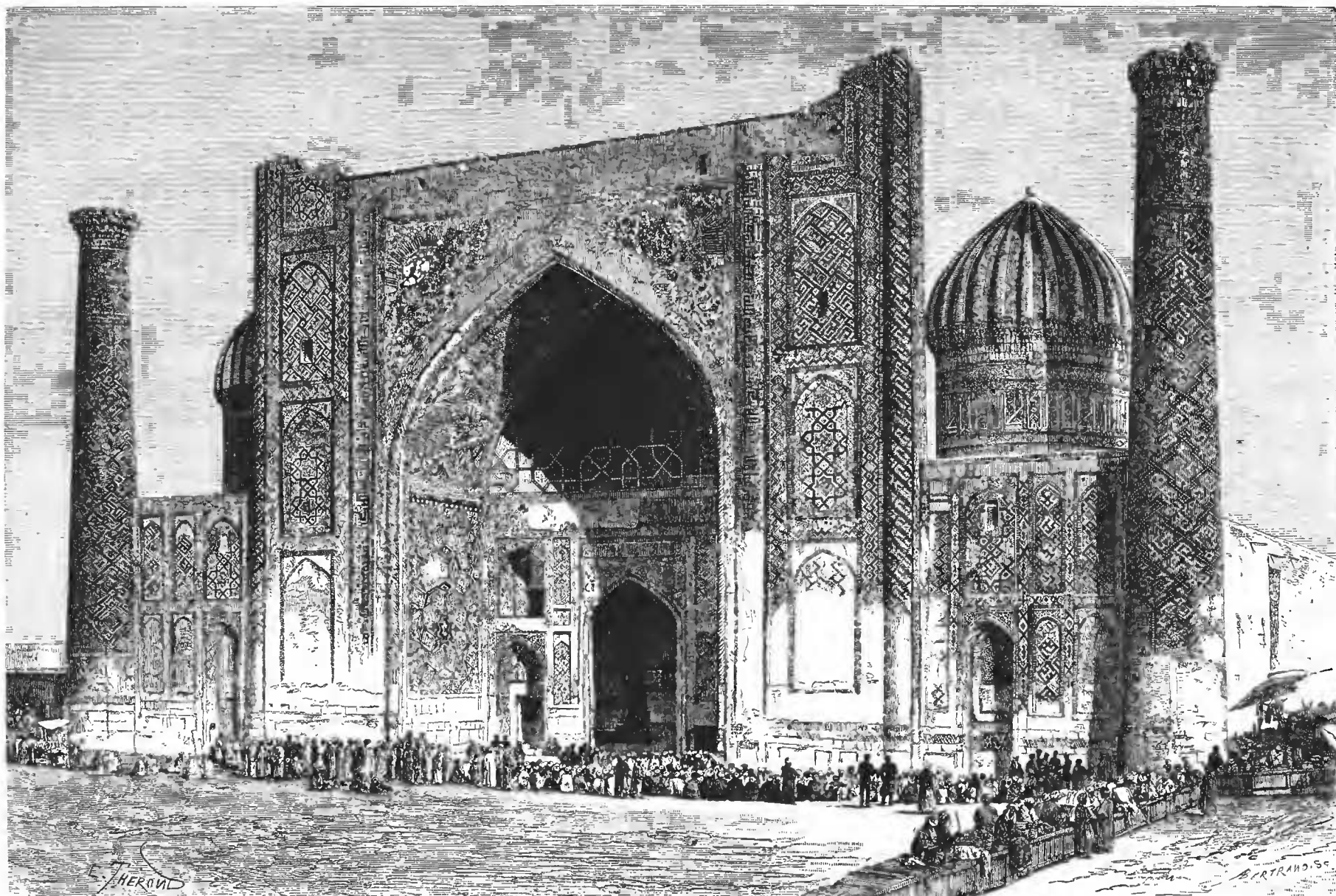
А все же благослови мнѣ, матушка, слово мол ить—оповѣститъ бы теперь же самое то Таю—вѣдь е, все же, это дѣло.

— Сдѣлаемъ и это, отвѣтила игуменья. Я вѣ . по-

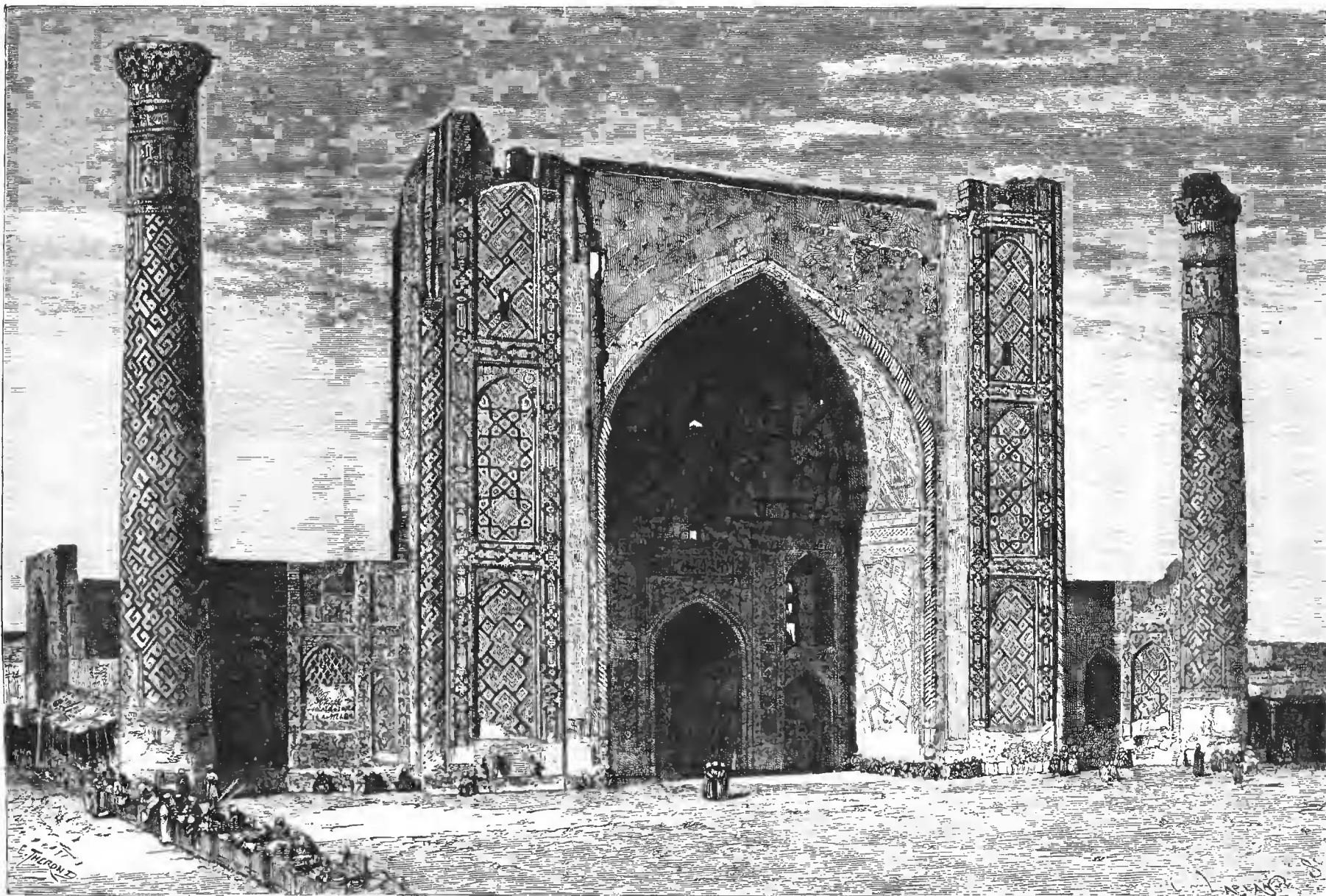
¹⁾ Фаренджи—женскій халатъ.

²⁾ Чачбау—сѣтка изъ конскаго волоса.

³⁾ Кунбегъ—великій вивиръ или первый министръ.



1). Мечеть Ширъ-Даръ въ Самаркандѣ. Рис. Теронъ, грав. Бертранъ.



2). Мечеть Улугъ-Бекъ въ Самаркандѣ. Рис. Теронъ, грав. Лаплатъ.

безпечнымъ тономъ спросила дѣвушка. Можетъ не понравится мнѣ онъ—женихъ-то.

— Какъ? царскій-то женихъ да не понравится—вотъ сказала!

— Да что же, матушка, коли онъ, може, уродъ какой... може я ему не понравлюсь!.. А то мнѣ и тебѣ не понравится... тебѣ вотъ почитать не станетъ и мало-ли что—тогда какъ же?

— Ну, вона, что надумала. Вѣдь эдакъ по твоимъ рѣчамъ и отказать ему легкое дѣло, а этого и думать нельзя—завтра же нужно отвѣтъ.

— Завтра же отвѣтъ... и не видали... и отказать нельзя... Господи помилуй! что-жъ это? да вѣдь эдакъ вы меня за медвѣдя отдать можете!.. испуганно вскрикнула Таня.

— Молчи, молчи, что ты! безумная! Ишь кричить, точно рѣжутъ ее. Что ты? Уймись, перестань!

А Таня пуще и пуще заговорила.

— Вотъ я правду думала, ужъ не пройдетъ мнѣ даромъ, что помолиться то я нонѣ забыла; вотъ она бѣда-то! вотъ загубила я свою душеньку!..

— Поди, Танечка, лягъ, успокойся, никакой бѣды нѣтъ! Я за тебя помолюсь, и жениха увидишь... и все устроится и волю царицыну соблюдемъ и счастье твое. Ничего не видя что убиваться! Отказать нельзя, да вѣдь можетъ и женихъ хороший. Изъ за чего царицѣ на насъ гнѣваться: мы ея вѣрныя рабы и богомолицы и ты сама знаешь, она всегда милостива къ намъ. Ну поди же успи, дѣтка, растроганнымъ голосомъ проговорила игуменья и перекрестила Таю.

— Послѣ утрени зайдешь ко мнѣ, потолкуемъ. Богъ съ тобой, будь умница, утро вечера мудренѣе. Спи спокойно.

Она поцѣловала Таю и кликнула Акулю.

— Поди да побудь съ нею, пока не уляжется.

Таня, взволнованная, блѣдная, въ сопровожденіи Акули, пошла къ себѣ. Баловница всего монастыря никогда

и въ мысли не имѣла, чтобы ее рѣшились выдать замужъ противъ ея воли.

III.

Возвратившись въ келью, бѣлица не нашла въ ней Катерины. Она оглядѣла всѣ углы и промолвила:

— Эхъ ты постница, еще не угомонилась! ну да пойду себѣ, лягу.

Она пробралась въ свою комнату, отдѣленную отъ кельи высокой перегородкой.

— Кажись дѣло-то выгорѣло! только-бъ этотъ Фролка проклятый не подгадилъ—втѣрился, вишь ты, въ невѣсту. А ужъ тутъ мало пути! Женимъ мы его, а онъ потомъ и скажетъ: „ничего де мнѣ не надо, лишь бы была Таня“. Нѣтъ, это дѣло надо повернуть. Фролку провестъ не

трудно, надо только умѣючи взяться. Онъ нуженъ покуда устроится, а тамъ женихомъ-то пусть лучше Ивашка запишется, это-то вѣрнѣе будетъ.

— Оно правда, опаски больше, да и невѣстѣ то врядъ ли онъ понравится... Да больно это нужно!.. еще лучше какъ поскорѣй мы ее спровадимъ—надоѣсть вѣдь! Хорошо—скоро дадутъ приданое, а если нѣтъ, что тогда? Ну да вѣдь не впервые и не то дѣлывали. Намъ Фролку-то только бы

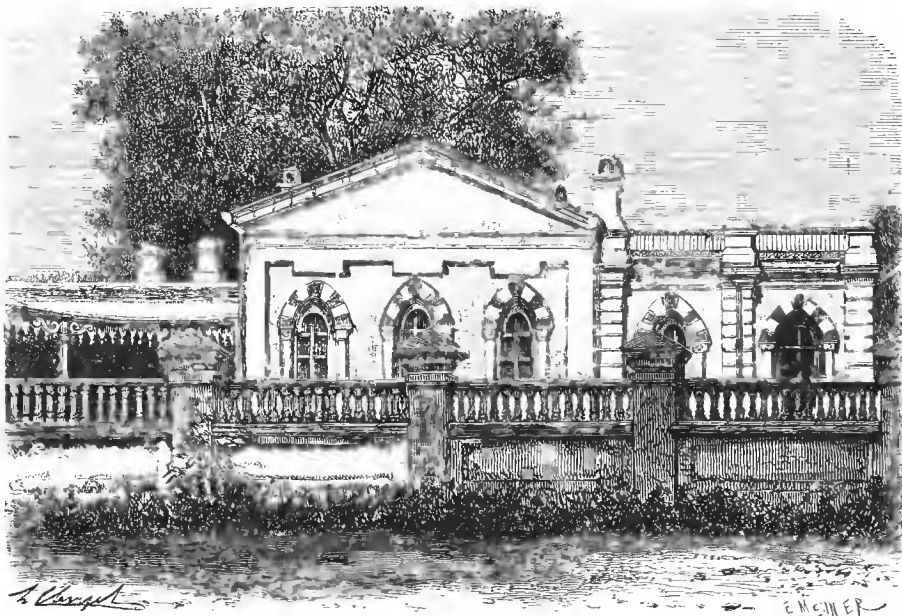
показать, коли потребуютъ. Однако—покуда царица то не пріѣхала, надо дѣлать, а то матери къ ней какъ разъ съ поклономъ отправятся. Вишь вѣдь счастья то имъ привалило!..

Авдотья расхоталась.

— И вѣдь случилось же мнѣ на эдакое ихъ счастье въ монастырь навѣдаться! И впрямь видно Богъ молитвѣ то любить... Такъ бы Танькѣ то и просидѣть вѣкъ въ дѣвкахъ!..

Катерина, по уходѣ бѣлицы, нѣсколько минутъ походила по комнатѣ, подошла къ постели, хотѣла улечься, но не могла.

— Нѣтъ, загубять ее лиходѣи, тяжело вздыхая проговорила она, чувствуетъ сердце мое что-то недоброе. О, Господи! и я то не могу ничего сдѣлать. Противъ царицы



3). Домъ генераль-губернатора въ Ташкентѣ. Рис. Клерже, грав. Менье.



1). Русскія укрѣпленія въ Ташкентѣ. Рис. Барклай, грав. Лаплантъ.



5). Таджикскія и Сартскія женщины. Рис. Вустъ, грав. Лаплантъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

Х годъ № 25 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. годъ Х 1879

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ «ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ» (отъ 20 до 40 модн. рис.)
Выданъ 18 Июня 1879 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) и разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к. съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ „Нивѣ“ принимаются по 25 и. за строку конпарель (въ 1/4 ширины страницы).

КОНТОРА
журнала отырыта еженедевно (кроме Воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1879 г.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“.

Безъ доставки въ С.-П.-Бургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою . . . 5 „

Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ кн. маг. г. Живарева, Соловьева и Лангъ. . . 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и друг. города Россіи . . . 6 „

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложениа при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иног. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и отхи неудобныя къ печати, авторамъ не возвращаются.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все въ 1879 г. уже вышедшіе №№ со всеми приложениями.

Для гг. служащихъ допускается разсрочка за ручательствомъ гг. назначеевъ.
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ ВЪ Д. № 9.

Въ СРЕДНЕЙ АЗИИ.
(Изъ записокъ русскаго путешественника).
(Окончаніе *).

III.

Воспоминанія о Туркестанскомъ краѣ, кроме громкаго имени М. Г. Черняева, тѣсно связаны съ воспоминаніями о полкѣ Александрѣ Константиновичѣ Абрамовѣ; говоря объ одномъ, нельзя умолчать о другомъ.

Александръ Константиновичъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ водворенія русскаго владычества въ Средней Азии. Неустанно, въ теченіи семнадцати лѣтъ, трудился онъ надъ утверженіемъ и дальнѣйшимъ распространеніемъ нашего вліянія во вновь приобретенныхъ владѣніяхъ; и теперь онъ продолжаетъ съ тѣмъ же умѣньемъ и усердіемъ, — нужно прибавить и съ большимъ успѣхомъ, — стремиться къ той же цѣли.

Въ 1862 году, во время осады Коканской крѣпости Пиншпекъ, впервые прозвонился имя Александра Константиновича: 14-го октября подъ управленіемъ поручика Сибирской пѣшей батареиной батареи Абрамова, пускались въ крѣпость навѣспыя ракеты. И на первыхъ же порахъ судьба строго отнеслась къ молодому артиллеристу. Отъ вы-



Генераль-лейтенантъ А. Н. Абрамовъ. Рис. Ронжа, грав. Гильдебрандтъ.

стрѣла пиншпекской мортиры вдругъ взорвало напѣ пороховой погребокъ; дѣйствіе взрыва было ужасно, — нѣсколько труповъ нашихъ людей выброшены за батарею, нѣсколько офицеровъ и нижнихъ чиновъ были ранены, контужены и засыпаны землею; въ числѣ контуженныхъ находился и поручикъ Абрамовъ. Это несчастное событіе вѣроятно на всю жизнь останется памятнымъ нашему туркестанскому герою; — еще до сихъ поръ ему приходится оберегать свою голову маленькою черною шапочкою отъ вѣтра, сырости, угара. Подъ руководствомъ подполковника Колпаковского *) прошли первые опыты Александра Константиновича на военномъ поприщѣ. Уже въ 1865 году юный артиллеристъ, въ чинѣ Штабсъ-Капитана, получаетъ отдѣльную порученія, которыя и исполняетъ съ блестящимъ успѣхомъ. Предводительствуя маленькимъ отрядомъ, при двухъ конныхъ орудіяхъ, онъ обезоруживаетъ крѣпость Чиназъ, успокоиваетъ ея жителей и уничтожаетъ переправу на р. Сыръ-Дарьѣ. Вслѣдъ за этимъ, командуя штурмовою

*) См. №№ 23 и 24, 1879.

*) Нимъ Генераль-Лейтенантъ.

колонною, Штабс-Капитанъ Абрамовъ оказываетъ Генералу Черняеву дѣятельное содѣйствіе при взятіи города Ташкента. Овладевъ однимъ барбетомъ за другимъ, уничтожая баррикады за баррикадой, заклипывая орудія и обращая въ бѣгство отчаянно защищавшихся Ташкентцевъ, Абрамовъ побѣдоносно врывается въ городъ. Въ своемъ рапортѣ отъ 7-го іюля того года М. Г. Черняевъ указываетъ между прочимъ на Абрамова, какъ на особенно отличившагося храбростью и распорядительностью.

Въ слѣдующемъ 1866 году, въ маѣ мѣсяцѣ происходило извѣстное сраженіе на урочищѣ Ирджаръ. Во главѣ небольшой колонны капитанъ Абрамовъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и искусствомъ производитъ наступленіе; ни умышленный артиллерійскій и ружейный огонь непріятеля, ни его завалы, не могли помѣшать стройному движенію штурмовой колонны. Все дѣлалось какъ на ученьѣ. Черезъ какіе нибудь полчаса, наша пѣхота уже была на завалахъ и била съ бухарскими артиллеристами, а наша артиллерія была уже впередъ заваловъ и картечью поражала новыя массы, пытавшіеся остановить наступавшихъ.

Въ 1867 году, въ чинѣ подполковника, Абрамовъ командуетъ Джизакскимъ отрядомъ, подъ Яны-Курганомъ обращаетъ въ бѣгство въ пѣсковой десятокъ разъ сильнѣйшую туркменскую конницу и съ незначительными силами принуждаетъ къ поспѣшному отступленію Бухарскаго начальника Шукуръ-Бека, имѣвшаго по крайней мѣрѣ двадцать тысячъ войска. Затѣмъ въ продолженіи всей нашей войны съ Бухарскимъ Эмиромъ, Саидъ-Музаффаръ-Богадуръ-Ханомъ, произведенный въ полковники, находясь во главѣ передоваго отряда, то неутомимо тревожитъ непріятеля, то усмиряетъ непокорныхъ, то преслѣдуетъ шайки грабителей, вторгавшіеся во вновь покоренныя нами страны, и въ тоже время безостановочно подвигается впередъ, вслѣдъ за отступавшимъ Эмиромъ.

Въ 1868 году палъ древнѣйшій и знаменитѣйшій городъ Средней Азіи, гордый своею историческою славою, центръ мусульманства—Самаркандъ. Утромъ 1 мая, въ виду бухарскаго лагеря показались русскія колонны, готовыя атаковать неприступную позицію, на которой укрѣпились бухарцы. Передъ ними былъ разлѣзшійся быстрый Зарявшанъ, почти непроходимый весной; за рѣкою поднимались крутые склоны Чунанъ-Ата, покрытые густыми массами непріятеля. Но несмотря на неприступность позиціи, высоты Чунанъ-Ата были взяты штурмомъ; разстроенный непріятель бѣжалъ и Самаркандскіе жители, не вѣстивъ къ себѣ разбитыхъ бухарцевъ, отворили городскія ворота нашимъ храбрымъ войскамъ. Успѣшному окончанію этаго боя болѣе всего содѣйствовалъ полковникъ Абрамовъ, командовавшій передовою линіею.

Насколько дорожатъ средне-азіатцы Самаркандомъ, заключающимъ въ себѣ много мусульманскихъ святынь, можно судить изъ словъ, произнесенныхъ со слезами на глазахъ самимъ Эмиромъ. Получивъ извѣстіе о пораженіи своей арміи по потерѣ Самарканда, Музаффаръ воскликнулъ: „Лучше бы Аллахъ лишилъ меня жизни!“

12-го мая того же года послѣ упорнаго боя въ садахъ и на улицахъ города Ургута, А. К. уничтожаетъ армію Гуссейнъ-Бека и овладеваетъ крѣпостью, до того времени считавшеюся неприступною. А 2 іюня полковникъ принимаетъ дѣятельное участіе въ битвѣ на Зарыбулакскихъ высотахъ, гдѣ 6 тысячъ пѣхоты, при 14 легкихъ орудіяхъ и 15 тысячъ конницы подъ начальствомъ Ходжи-Бека и Османъ-Бека не выдержали дружнаго натиска нашихъ войскъ и были разсѣяны въ разныя стороны.

По заключеніи 23 іюня 1868 года мира съ Бухарою, А. К. Абрамовъ, въ чинѣ Генералъ-маіора, былъ назначенъ начальникомъ Зарявшанскаго округа.

Не легко было вводить благоустройство, новыя порядки въ самомъ крайнемъ уголкѣ нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, среди фанатическаго и враждебно къ намъ расположеннаго населенія, вблизи одного изъ самыхъ сильныхъ независимыхъ ханствъ. Новое управленіе пришлось вводить тотчасъ-же по окончаніи военныхъ дѣйствій, когда умы не успѣли еще успокоиться, когда малѣйшая ошибка могла повести за собою самыя пагубныя послѣдствія.

На долю Генерала Абрамова пала задача далеко не легкая. И не взирая на это, изъ всѣхъ затрудненій и опасностей онъ вышелъ со славою и вполне оправдалъ оказанное ему довѣріе.

Ласковымъ обращеніемъ, постоянно ровною справедливостью А. К. скоро заслужилъ расположеніе туземцевъ. Послѣдніе не могли не замѣтить разницы между безпорядочнымъ жестокимъ произволомъ своихъ прежнихъ повелителей и въ высшей степени гуманнымъ правленіемъ кяфры *). Рѣзкій переходъ отъ страха за жизнь и имущество къ полнѣйшей безопасности былъ причиною того, что фанатическое населеніе забыло свою ненависть къ завоевателямъ и искренно полюбило новаго своего губернатора. Въ этомъ мнѣ пришлось убѣдиться на дѣлѣ во время моего пребыванія въ Самаркандѣ. Я самъ видѣлъ съ какою охотою шли туземцы къ генералу Абрамову, съ какою увѣренностью въ его правый судъ стекались они къ нему для рѣшенія разныхъ споровъ. Въ нѣсколько лѣтъ богатый Зарявшанскій округъ принялъ совершенно другой видъ; онъ

вырвался изъ подъ ига азіатскаго застоя и зажилъ новою, спокойною и счастливою жизнью. Теперь и не узнать города Самарканда; на немъ болѣе всего отразилось благотворное вліяніе новаго управленія: понемногу кривыя закоулки замѣняются прямыми, широкими улицами и тѣнистыми бульварами, число правильныхъ и прочныхъ построекъ съ каждымъ годомъ увеличивается, большіе базары освобождаются отъ плѣсенн и грязи, которыя въ нихъ царствовали прежде и т. д.

Съ наименьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ А. К. какъ политикъ. Основательно изучивъ характеръ средне-азіатцевъ, онъ сумѣлъ укрѣпить наши отношенія къ Бухарскому Эмиру. Вѣроломный Саидъ-Музаффаръ, испытывавъ во многихъ случаяхъ твердость генерала Абрамова, принужденъ былъ отказаться отъ прежняго образа дѣйствій; онъ понялъ, что съ новымъ соседомъ шутить нельзя и что противорѣчить ему опасно. Присмирѣвъ грозный повелитель Бухары, почувствовавъ строгую руку русскихъ, и покорно принялся исполнять требованія ихъ представителя на Зарявшанѣ.

Я никогда не забуду перваго моего свиданія съ Музаффаромъ; первыми его словами были: „какъ поживаетъ генералъ Абрамовъ? по прежнему-ли онъ къ намъ благосклоненъ?“ Когда же я сталъ спрашивать его мнѣнія по многимъ вопросамъ, оставшимся неразрѣшенными, то Эмиръ отвѣтилъ: „во всемъ я совершенно согласенъ съ генераломъ Абрамовымъ.“

Нынѣ дѣятельность А. К. перенесена въ другую часть нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Недавно завоевано ханство Коканское и обращено въ Ферганскую область. Понадобился опытный администраторъ—и выборъ палъ на генералъ-маіора Абрамова, вскорѣ произведеннаго въ генералъ-лейтенанты. Введя благоустройство въ одномъ краѣ, генералъ Абрамовъ приступилъ теперь ко введенію правильного управленія въ другомъ;—безъ сомнѣнія ему удастся довести это дѣло до конца и въ Ферганѣ также, какъ и на Зарявшанѣ. Намъ остается только порадоваться, что довѣріе пало на достойнаго, и пожелать А. К. лучшаго успѣха и всякаго счастья въ новомъ мѣстѣ его служенія.

Между городами Ассакѣ и Андижаномъ, на большомъ пространствѣ тянется равнина, всплошную покрытая мелкимъ, бѣлымъ пескомъ; не говоря уже о деревьяхъ—ни кусточка, ни травки не видать въ этой безводной степи. Въ особенности лѣтомъ труденъ переходъ черезъ нее: удлиннымъ жаромъ пышетъ на васъ со всѣхъ сторонъ, и отъ солнечныхъ лучей, и отъ горячаго вѣтра, и отъ накаленнаго песку (рис. 4). Переѣздъ изъ Ассакѣ въ Андижанъ сильно напоминаетъ Бухарскія степи, съ тою только разницею, что въ послѣднихъ мнѣ пришлось испытать сильнѣйшій песчаный бурянь,—что гораздо хуже нашихъ сѣвѣрныхъ мятелей, тогда какъ переѣздъ черезъ коканскіе кумы *) совершился весьма благополучно. Степь представляла передо мною, это громадное песчаное море. Все пространство до самаго горизонта—рядъ безчисленныхъ холмиковъ, горачія песчаная волны, отдѣленные одна отъ другой небольшими ложечками. Дороги положительно не видно;—нашъ проводникъ находилъ ее по отиснувшимся на песокѣ слѣдамъ лошадей, ишаковъ **), верблюдовъ и людей.

— Теперь, когда тихо, дорогу еще не трудно найти, загоровилъ со мною одинъ изъ моихъ спутниковъ, татаринъ-торговецъ, а когда вѣтеръ—всѣ эти слѣды замечаются.“

— Какъ же находятъ тогда дорогу? спросилъ я.

— Не знаю какъ вамъ объяснить.... и татаринъ широко развелъ руками.

Это секретъ туземцевъ. Удивительнѣе всего—они рѣдко сбиваются съ пути. Здѣсь эти пески называютъ „ходячими“ песками. Бываетъ же это такъ: какъ только поднимаются вѣтеръ, песокъ приходитъ въ движеніе; сперва онъ тихо стекаетъ по землѣ, потомъ понемногу поднимается выше и выше, и наконецъ густыми громадными столбами, то взвывается вверхъ, то быстро переносится съ одного мѣста на другое. Тогда происходитъ нѣчто удивительное, волшебное: тамъ, гдѣ теперь высятся холмы, образуются глубокія ложечки, а на мѣсто долинокъ, которыми мы ѣдемъ, появляются высокія холмы; точно злые духи, на зло люднмъ, адскую игру затѣваютъ.... Часто заноситъ этими песками цѣлые караваны, да такъ, что и слѣдовъ никакихъ не сыщешь. Такими песчаными степями Средняя Азія очень богата.

А вотъ и другая картина. По дорогѣ изъ Маргелана въ укрѣпленный городокъ Учъ, между отрогами Кашгаръ-Давалскаго хребта есть прелестная Шахимарданская долина. Со всѣхъ сторонъ она окружена горами, мѣстами покрытыми липъ мхомъ и кустами высокой травы. По этой долинѣ, перебѣгая по круглымъ булыжникамъ, протекаетъ горный ручей Шахимарданъ; красиво разбросанныя группы деревьевъ дополняютъ картину. Къ этой мѣстности приходятъ большія толпы богомольцевъ для поклоненія гробницѣ Али, мужа Фатимы—дочери Магомета (рис. 3). Гробница признается чуть ли не первою святынею во всей Средней Азіи; она находится въ глубинѣ большой пещеры. Рассказываютъ, что Али, или, какъ его называютъ, Шахимарданъ т. е., „царь мужей“, въ концѣ своихъ странствованій оста-

*) Кумъ—песокъ.

**) Ишакъ—оселъ.

*) Кяфиръ—неверный.

новился въ этой долинь, вошелъ для отдыха въ пещеру и больше не возвращался. Поэтому полагаютъ, что въ пещерѣ на всегда поселился духъ мусульманскаго святаго и что онъ показывается лишь изрѣдка въ полномъ вооруженіи и на конѣ, только для испѣленія слѣпыхъ, въ большомъ количествѣ стекающихъ сюда. Надъ пещерою построена высокая мечеть, а вокругъ мечети разведенъ великолѣпный садъ. Еще до сихъ поръ остается неразрѣшеннымъ вопросъ о томъ, гдѣ именно покоится прахъ Алія, такъ какъ могилъ его насчитываютъ до пяти.

Недалеко отъ Шахмардана расположенъ въ гористой мѣстности укрѣпленный городокъ Учъ. По своему виду онъ ничѣмъ

не отличается отъ прочихъ средне-азіатскихъ городовъ (рис. 5); за то въ его стѣнахъ сохраняется великая мусульманская святыня, а именно тронъ царя Соломона. Внѣшній видъ трона не представляетъ ничего замѣчательнаго: онъ сдѣланъ изъ карагачеваго дерева и украшенъ грубою рѣзбою; когда-то, какъ утверждаютъ мусульманскіе ученые, онъ былъ осыпанъ драгоценными каменьями, но отъ этихъ каменьевъ теперь ничего не осталось. По преданію тронъ Соломона занесенъ въ кокапское ханство сильнѣйшимъ вѣтромъ. Какъ объ этомъ тронѣ, такъ и о тронѣ жены Соломона, прекрасной Балкыс, существуютъ очень поэтическія сказанія.

Н. Стремоуховъ.

МОНАСТЫРСКАЯ ПИТОМИЦА.

РЫЛЬ ХУУІІ ВѢКА.

Историческій разсказъ М. Романова.

(Продолженіе).

V.

Изъ монастыря Авдотья направилась прямо за Москву-рѣку въ однуизъ отдаленныхъ слободъ, вошла въ деревянный, покосившійся домъ и калитка на ржавыхъ петляхъ съ визгомъ захлопнулась за нею.

Отъ этого звука дрожь пробѣжала по ней—ей припомнилась та ужасная минута, когда ее привели къ дознанію по учиненному ею доносу. Ее заперли въ темную комнату, стражи пыхтели—приходилось каяться въ своемъ злоязычьи. Звукъ затворявшейся калитки теперь напомнилъ ей звукъ ржавыхъ петель приказной избы, куда ее запирали.

Авдотья вошла на дворъ, заросшій травой.

На встрѣчу ей на крыльцо вышелъ человекъ съ короткою сѣватою бородою, краснымъ, загорѣлымъ лицомъ и мускулистыми обнаженными руками.

— Вотъ она, кукушка! Экъ тебя носить; затѣла пустяки, да и умничаешь. Видно противъ святости-то ничего не подѣлаешь! Выгнали, сказывай, выгнали? Ха, ха, ха—такъ и зналъ, не въ свои сани разсѣлась...

— Тыфу, зубоскалъ окаянный, сдѣлаю я все одна и Фролку повѣнчаю; думаешь безъ тебя пона не сыщемъ? Гдѣ Фролъ? дома?

— А гдѣ-жъ ему быть?

Авдотья скоро помирилась съ сообщникомъ своимъ и передала ему свой планъ устроить Фрола, и самому Ивану Девулѣ заступитъ его мѣсто.

— И говорить не смѣй! За васъ да на дыбу понасть! Этому не бывать! И что тебѣ? Любы они другъ дружку, или нѣтъ—намъ свое, имъ свое. Еще такъ то лучше и намъ покойнѣе.

— Такъ зови сюда Фролку.

Племянникъ Авдотьи, Фролъ Савинъ, красивый паренъ лѣтъ двадцати двухъ, пришелъ на зовъ Ивана и бросивъ взглядъ на тетку, старался прочесть на ея лицѣ съ какими она вѣстями.

— Для васъ, лѣшихъ, старайся вотъ, а какъ еще отблагодарите?

— Ужели же и вправду ты смастерила?

— Смотри же Фролка, коли обманешь али сдуришь, да меня не послушаешь, такъ ужъ такая тебѣ бѣда будетъ, берегись! Въ воскресенье готовься, приходи да не потайно, а прямо въ церковь.

— Ой, что ты! вскричалъ Фролъ, не помня себя отъ радости. Но вдругъ лицо его омрачилось и онъ тихо проговорилъ:

— Лучше бы добрымъ-то порядкомъ высватать Таню... Тетенька, ты со мной неладно сдѣлала! Нечестно мы это дѣлаемъ и радости моей какъ и нѣту!

— Это еще что! Рехнулся ты? Перестанешь ты на меня тарашить глаза, закричала она, не то убирайся совсѣмъ! Ну тебя!

Иванъ хохоталъ, держась за бока.

— Да ты сама что ли съ ней подъ вѣнецъ-то пойдешь?

— Знамо, коли-бъ была мужикомъ, такъ съ вами бы толковать не стала, а то вишь изъ-за такого пустяковаго дѣла троихъ въ подговорѣ держи!

— Тетенька, лучше пообождайте да съ тятенькой поговорите, не убейте, коли придти; бить будетъ—стерплю, а ужъ потомъ и сватать Танюшку.

— Поди, поди, онъ те послатаетъ дубьемъ. А, да ну те, провались! Дѣлай какъ знаешь. Вправду сказать, чего я то этимъ связалась, брошу все!

И Авдотья въ сильномъ гнѣвѣ, съ проклятіями выскочила въ другую комнату.

— Да говори же, тетенька, догналъ ее Фролъ, что нужно, сдѣлаю, чего-жъ бранишься-то. Ты говоришь, въ церковь придти, а дальше что?

Авдотья утихла, воротилась и начала разсказывать, какъ успѣла заворочить игуменью рѣчами про царицу и что та потребовала непременно, чтобы женихъ пришелъ показаться прежде, чѣмъ отпустить невѣсту къ государынѣ. Что она, Авдотья, очень боится, чтобы старуха сама не захотѣла сопровождать невѣсту въ царь Борисову палату.

— Тогда все пропало, пояснила она,—укрыться не успѣемъ—схватятъ.

— Куды-жъ, тетенька, укрываться послѣ? Хорошо тебѣ, или Ивану укрыться, а мнѣ куда? Нѣтъ, что ни говори, дѣло страшное! Обманъ царицынымъ словомъ—шуточное дѣло!

— Ахъ ты баба, баба! вспылила опять Авдотья, ничего-то ровно ты не смыслишь. Коли дурнемъ не будешь? Ужли думаешь, монахини захотятъ твоей гибели, когда мужемъ Татьянинимъ будешь. Онѣ и жаловаться-то не станутъ, коли-бъ успѣли мы все скорѣе обдѣлать только.

— Такъ разсказала бы, какъ же все это будетъ.

— А вотъ слушай, я тебѣ буду сказывать: придешь ты, принарядившись, въ храмъ и встань ты у лѣваго клироса; послѣ обѣдни можетъ тебя позвать къ игуменьѣ, такъ умѣй обойтись, заслужить, чтобы полюбила. Увидишь можетъ невѣсту, а можетъ и нѣтъ, да вѣдь ее ты видѣлъ, такъ чего же еще. А тамъ денька черезъ два можно и Дашку... за невѣстой. Ты, Девуля, ее подговори, чтобы не спятилась.

— Ладно обвѣнчаемъ у Кузьмы Демьяна, отвѣтилъ Иванъ.

— А ты, ступай, добывай себѣ хорошую одежду, займи хоть, да чтобы все ладно было, распорядилась Авдотья, обращаясь къ Фролу.

— Ладно, проговорилъ онъ, въ раздумьи, выходя изъ комнаты.

— Такъ ты говоришь, что денегъ монастырки много ей дадутъ? спросилъ Иванъ.

— Не обидятъ! Акулька все знаетъ.

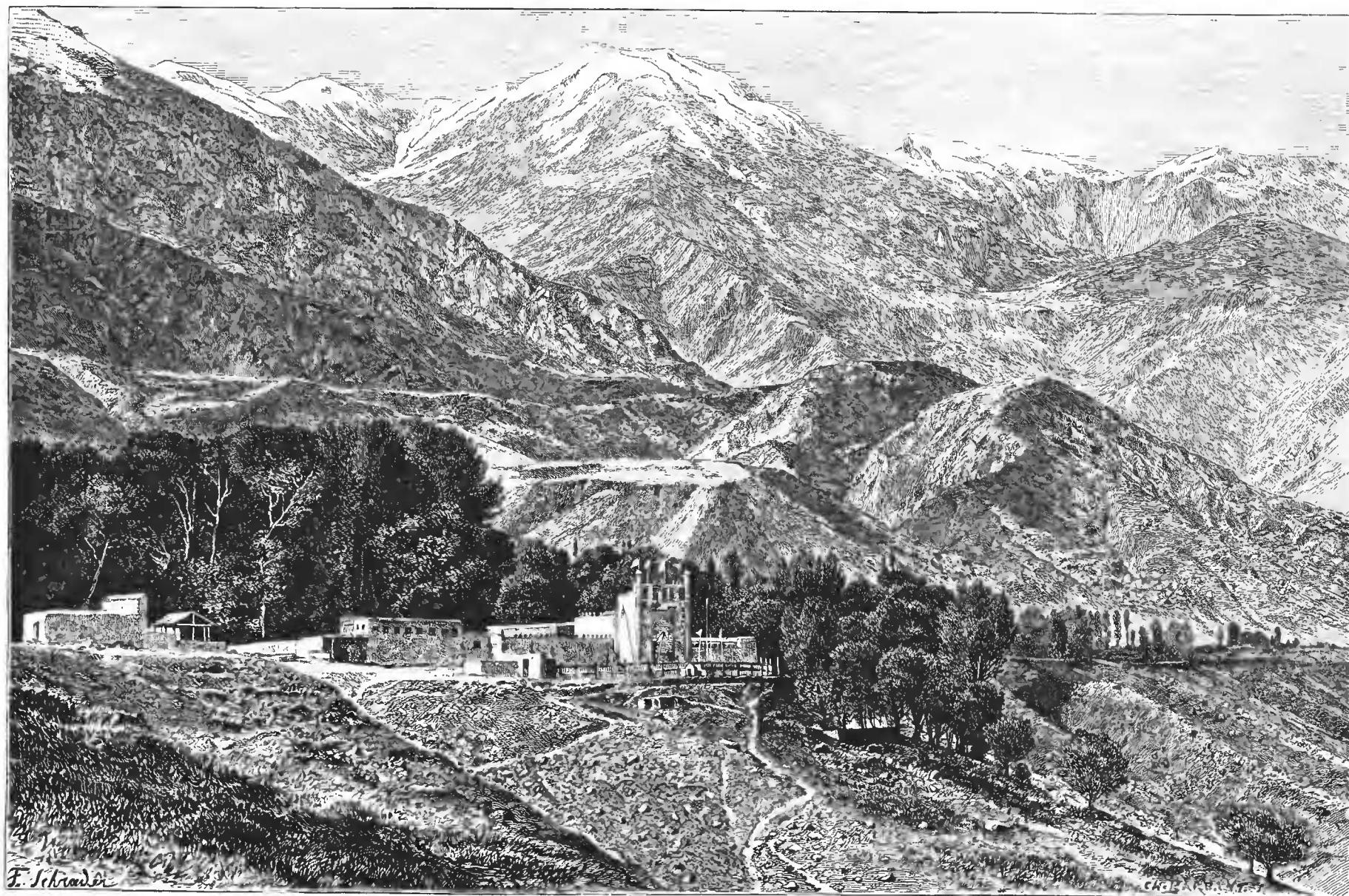
— Смотри, чтобы было изъ-за чего... Чтобы Фролка твой не надудъ...

— Небось, онъ у меня въ рукахъ. Смерть боится колдовства; припугну этимъ его—все наше будетъ.

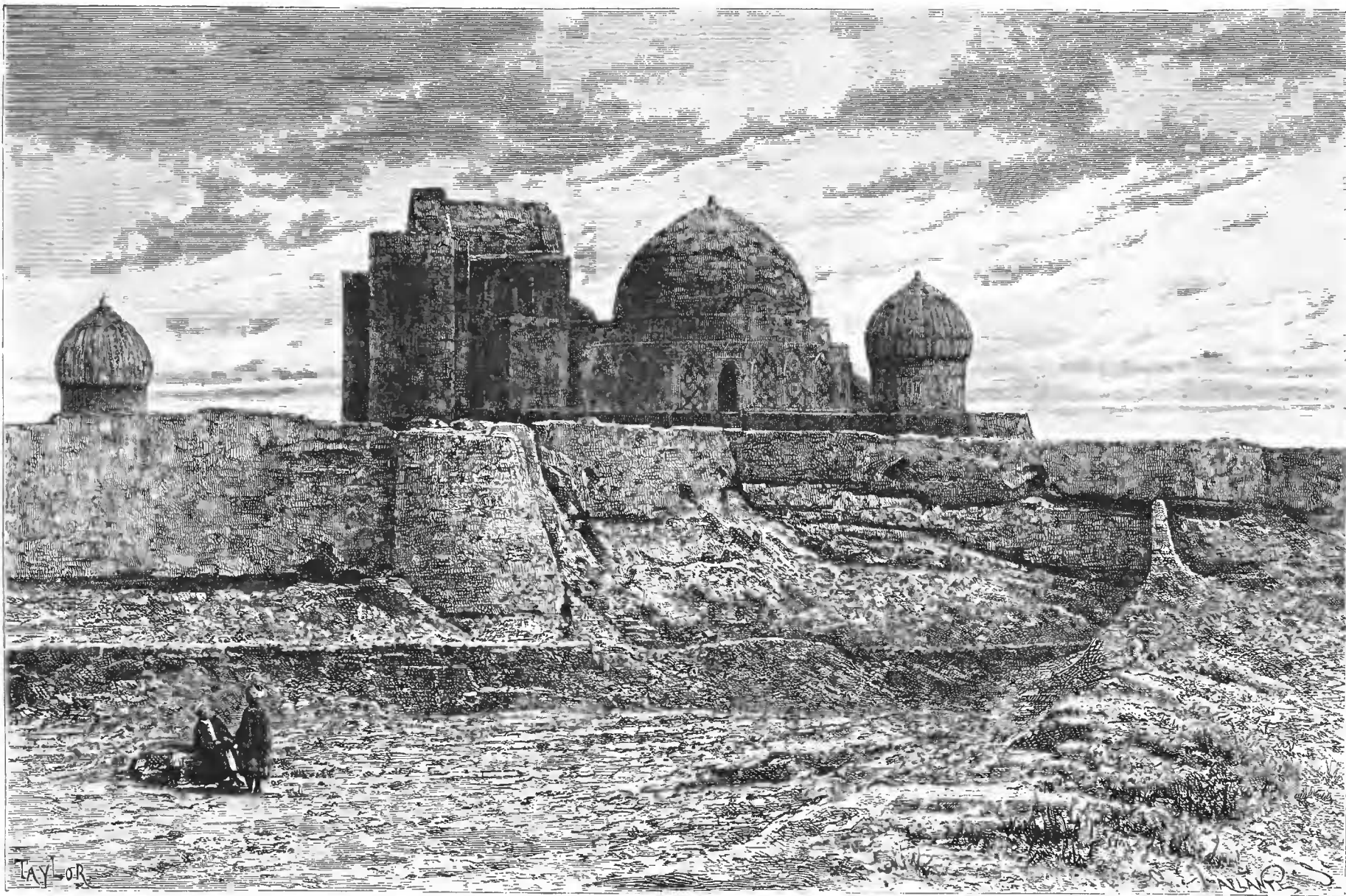
— Осердятся, и не дадутъ ни алтына...

— А Таньку то имъ небось не жалко? Какъ кому, а Катеринѣ она таки сродни... эдакъ съ ней нянчиться...

— Эй, не попадайся, внушительно сказалъ Иванъ.



2. Гробница Али въ Шехимарданъ (Ноканъ). Рис. Шрадеръ, грав. Барбанъ.



3. Видъ мечети Хазрета въ г. Турнестанѣ. Рис. Тайлоръ, грав. Лаплантъ.

— Какъ велишь государыня, сама тебѣ привезу. Дѣвочки хорошия: одной лѣтъ двѣнадцать, а другая еще малолѣточекъ—шесть годочковъ не болѣ.

— Да кстати насчетъ Марьицы-то: я назначила ей въ приданое небольшую вотчинку, да деньгами что можно, ну уборы тамъ разные, полотна тоже получить а жениха ей прискати не доспѣла. Вотъ коли у кого на

дѣла опустивъ глаза, погруженная въ какую-то полудремоту, и даже ничего не слыхала изъ того, что говорилось.

Катерина не могла больше вынести. Она рѣшилась забыть свое положеніе, забыть всѣ приличія...

— Государыня!.. проговорила она дрожащимъ голосомъ приподнимаясь съ своего мѣста.

Но царица ее не слышала,—она оживленно говорила



4. Двинушіеся пески въ Конанской степи близъ Андижана. Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ.

примѣтъ парень дѣльный да смирный пайдется, можно бы и свадьбу послѣ поста сыграть.

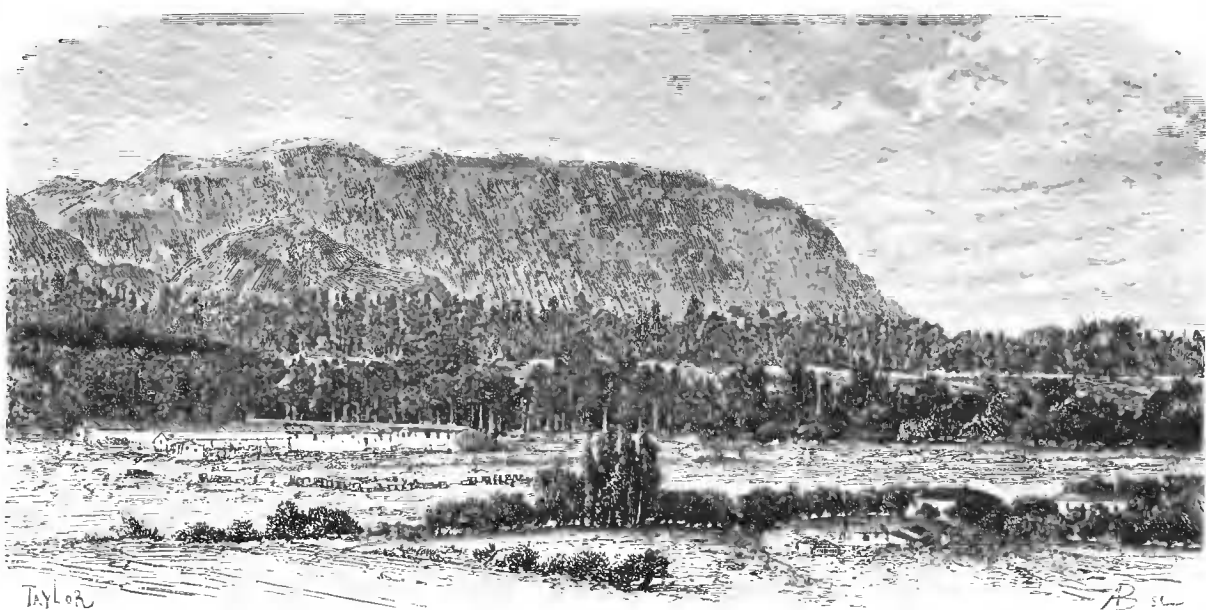
— Да у меня и женихъ есть, весело сказала Троекурова, моего мужа крестникъ. Сама государыня досмотришь, а по моему Алеша пригоденъ. Онъ мѣсто въ приказѣ царскомъ имѣетъ и его тамъ начальники любятъ, онъ и награды получаетъ за свою толковитость, противу другихъ не въ примѣръ.

При этомъ разговорѣ Катерина вдругъ встрепенулась

что-то Троекуровой. Сидѣвшія рядомъ съ Катериной покосились на нее, удивляясь дерзости, съ которою она вздумала говорить царицѣ—и несчастная монахиня должна была замолчать и подавляла рыданія, готовая вырваться изъ ея измученной груди.

— Ты меня боярыня всегда выручаешь, говорила между тѣмъ царица обращаясь къ Троекуровой, спасибо! Все то ты знаешь, все у тебя найдется.

Прочія боярыни, услышавъ похвалу Троекуровой, не



5. Русская стоянка въ укрѣпленіи Учъ (Конанъ). Рис. Тайлоръ, грав. Барбанъ.

и даже краска залила ея блѣдныя щеки. Она такъ и впилась глазами въ игуменью, которая сидѣла отъ нея черезъ весь столъ.

— „Ну вотъ, ну вотъ бы теперь... вѣдь и рѣчь то ведется самая подходящая... что-жъ она! Господи! неужто такъ ничего и не скажетъ!“...

Она старалась уловить взглядъ игуменьи; но та сн-

множко покосились на нее; но разговоръ, перейдя на эту почву, сталъ уже для всѣхъ интереснымъ. Устройство дворскихъ дѣлъ всегда занимало тогдашнее замкнутое женское общество ужъ потому одному, что путемъ этаго устройства многимъ удавалось проводить свое вліяніе на царицу. Вызовъ Троекуровой возбудилъ во многихъ непріязненное чувство: уже не въ первый разъ она